

Из дневников 1976 года

1976. Североморск. Пишу пейзаж и вспоминаю. Лето. Кассета с ранним «Битлз» и «Роллингами». Обаяние Н. в голубом платье вечером с желтыми цветами в руках и с голеньким ребенком. Утром солнечный свет. Н., уходящая за поворот, в клетчатой юбке с распущенными волосами. Долгий томительный взгляд чуть раскосых глаз.

Савицкому понравился портрет Ангелины, написанный Рамилем. Утро, дописываю руки на портрете Н., синее платье цветы. Вдохновенное лицо, огромные пылающие глаза, желто-белые волосы, страстная речь. Красный ковер, пышная осень, улыбка седого Хемингуэя, японский божок, крепкий кофе в фарфоровых чашках, и грустный разговор об искусстве.

Тени. Волнующее дыхание весенней ночи. Мы под сенью старого дуба, я чувствую, как стучит ее сердце, прогремел раскат в небе. Упали первые крупные слезинки дождя. Он все быстрее, громче, и вот уже ливень. Мы промокли. Пахнет свежестью и ночной свободой, журчащие потоки воды стекают в яму, дождь барабанит по стекающему целлулоиду луж на асфальте.

Пришла весна незаметно. В одно утро расцвели деревья, распустились листочки. Теплое солнце льет золото в нежной голубизне. Запах масляной краски, крепкая дешевая сигарета и тяжесть этюдника, набитого красками.

Тени. Вхожу в осенний сад. Жухлые красные листья шуршат под ногами. Воздух влажен и пахнет талым снегом. Тишина и безмолвие, никого кругом. Тишина и покой на душе. В зарослях осенних верб виднеется осыпающийся глиняный дувал, за ним старое узбекское кладбище. Низко плывут густые слоистые облака пастельных тонов. Под ногами шуршит опавшая листва и сухая трава. Садик огорожен строем дубов. Издалека доносится звон трамвая и ели слышный гул вечернего города.

Синее мгlistое утро с трудом раздвигает плотную завесу ночного мрака. В сером тумане вырисовываются печальные деревья, приземистые домишки, мокрая дорога. Редкими хлопьями падает снег на упавшую землю.

Тени. Звонко-синий, зеленый вечер. На небо высыпали пригоршню стеклянных бус и швырнули ослепительную луну. Дребезжащие звуки гитары, окна, распахнутые настежь, трепет зеленой листвы под порывами тепло-свежего ветра.

Разрушена вера в незыблемость мироздания. Человеческое сознание разбито на мелкие кусочки, смятение охватывает человека. Где героическая цельность людей Возрождения, где вера в Вечность? Смятение и тревога, одиночество и разобщенность. Верните утраченный мир, верните единство и всеобщность, смятенные дети Земли, маленького шарика в бесконечном пространстве!

Навзничь на траве под звездным небом. Закат в излучине речки, мост; с Востока надвигается синевая ночи, возвращение по росистым тропинкам в темноте. Вдали огни ночного Ташкента.

11.04.76. Тени. Влажная прохлада вечера приятно освежает. Мы вышли с Надей из душевой комнаты. Земля темно-охристая, кое-где пробивается травка, небо выглядывает из-за темной массы шелестящей листвы. Надя покачивается на качелях. Я смотрю на нее через птичьи клетушки, развешанные на столбиках.

13 апреля 1976 года. Утро. Записываю сон. Цветной. Снилось Наташа Леде, ее дом, мы в Ташкенте. Едем в такси, заходили в кино, я знакомлюсь с ее строгими учителями. Мы идем, держась за руки, голова клонится ко мне. Хорошо. Навстречу пажоны, просят закурить – нет. Просыпаюсь, держа ее за руку.

17.04.76. Читаю - К. Симонов, Декамерон, Кукаркин, Матиас, Миллер, Гогена письма. Завтра в 11. Г. в черном просторном платье, черной шапочке, очень хороша. И на черном фоне красные цветочки. Н. дома нет. Вечер чудесен. Много гуляющих, милые лица девушек. Думаю о Че. Солнце нежит лицо, щеки, ослепительно сверкает в бездонном просторе неба. Снег тает. Малолитражка и красивые автобусы, финны – дети в синих джинсах и голубых курточках, тупой взгляд пьяного прохожего и чистая хрустальность глаз ребенка с красным шарфом.

Вчера дочитал «Всеобщую песнь». Моя настольная книга. Величайшая книга, одна из лучших, которую я читал. С Сашей говорил в кабинете, пьян, голос сиплый. Угостил меня «Фениксом». Пригласил его к себе. Искал Вальехо, нашел Де ля Крус. М. в красных брюках, высокая, желтая кофта, очки.

За окном ночь, под звездным небом несую воду для Савицкого. Мороз.

19.04.1976. Тоска. Ветер, снег. Толстой «Мои воспоминания». Мысль-планы: 1,5 года в Нукусе (испанский, реставрация, искусство, книги, каратэ). 1 год в Мурманске (английский, французский, немецкий, норвежский, работа в художественной организации).

Тени. Кратковременность существования живого организма. Иными словами, зарождение в недрах живого и через некоторое время его распад в неживую материю. Живое существо вдруг одарено самосознанием, подчас столь бесконечным. Первые мельчайшие колебания живого организма, его движения – есть насилие над покоем мертвого. Истоки насилия в природе человека, а она в природе животного мира. Сама жизнь есть насилие над неживой природой. Оправдание насилия в унижении человеческого достоинства (Дон Кихот), в несправедливости. Сильный поедает слабого. Вспоминаю гравюру Брейгеля-старшего, где большие рыбы поедает маленьких. Человек то же животное - одаренное самосознанием, языком и объединенное в общество. Но чтобы встать на путь насилия, необходимо обладать достаточной уверенностью в себе и силой (вперед на штурм позора).

Тени. Марина Беркович. Выше меня ростом немного. Светлые волосы, серые пронзительно-трезвые глаза, очки, нос правильной формы, немного убегающий подбородок, большой чувственный рот, но все в меру. Всегда погружена в себя, созерцательная, искренняя, красные брюки, ладная фигура, чуть выступающий живот, чисто женский, полосатая (красное, синее, белое, желтое) кофта, мягкий французский, слегка картаво. Аполлинер (эмигрант из Лендор-Роуд) и Рембо (о любви) звучат изумительно плавно, музыкально. Говорили об уродстве современной архитектуры и плакатов (для чего их делают? Не для того ли чтобы пугать людей? Это и не карикатура и не искусство). Впрочем, я в Копе видел несколько приличных домов.

Мои записи становятся все более откровеннее и посему все более для себя. Это и дневник, и конспект, и записная книга и воспоминания. Гибрид довольно странный.

20.04.76. Вторник. Библиотека, Гендель, английские вирджиналисты очень успокаивают. То снег за окном кружится, то выглянет солнце, то несутся серые облака. Смотрел «натошак» Сезанна. Какая мощь! Какое величие и покой! Цветовик и техник изумительный. «Большая сосна в Провансе» - гениально. Впервые я понял, что такое Сезанн. Звонил М. Вместе слушали лекцию ленинградского искусствоведа Володина. Хорошая речь. Знакомство с Леной.

21.04.76. Среда. Ветер. Снег. К вечеру дождь. Тихо, птицы над заливом. Боккаччо «Ворон», сонеты, Платон «Протагор» - о мужестве и добродетелях. Смутный, потерянный день. Прошу денег из дома. От Савицкого и Рамиля ни весточки.

22.04.76. Опять тоска. Погода улучшилась. Серое небо, все серое. Тоска. В субботу и воскресенье в город. Кэп просит достать стихи Е. Когана.

Тени. В голубоватом небе легкие розовые облака. Закат гаснет. Дышится полной грудью. Мягко шелестит молодая листва маленьких деревьев. Из открытой двери слышится запах жаркого. Тихие голоса, шорохи затихающего вечера. Город усталый, погружается в пыли в вечернюю синеву, как в забытье, сон, забвение. Гаснут розовые облака. Ребенок и я идем по переулкам зеленеющего города. Желтая вода журчит, сонно бормочет что-то, в узеньких, глиняных арыках. Розовые облака погасли в предвечерней синеве.

Лицо, испачканное угольной пылью, оранжевая куртка, желтый песок и старинная керамика. Стекла музея окон горят закатным огнем.

Над огромным, зелено-синим пространством полей желтое солнце в красном море заката. Кое-где разбросанные стайки тополей и грустные домишки аулов. Несколько раскладушек в маленькой комнатке с небольшим окошком под потолком. Брезентовые спальные мешки. Тяжелые труды Н.Г. Чернышевского в старом издании, вечерняя усталость.

Прохлада, проигрыватель с кипой пластинок, оранжевый пол. Лампа на полу, пряный запах сигары, музыка английских вирджиналистов, ее улыбка, очарование, моя смятенность, ее смех, синее-синее платье.

Прохлада! Проигрыватель, музыка, музыка, музыка. И так уснуть, и пусть приснится «Птица мне в роще детства солнечно-зеленой».

Тени и свет, свет, свет. Свет струится в окно, двери, щели, в потолке. В лучах желтого света роятся, плавающая пылинки. Воздух пахнет прошедшим недавно дождем, ароматом цветника, мокрой, свежей травой. Доносится издалека лай собаки, крики, смех девушек у реки. Вот протарахтела арба, слышен шум моторов самолета, летящего высоко в небе. Постепенно все затихает, становится все далеким смутным воспоминанием, забвением. Ты засыпаешь, уткнувшись лицом в сено. Тебе снится рушащиеся красные крепости, синяя река, оранжевые холмы. Иногда снится Че Гевара.

Теперь я знаю, что Лена была очень одинока и всегда оставалась такой. Разве что в минуты высокого счастья она забывала о нем. Но ей делает честь, что сумела она создать вокруг себя сносную атмосферу чистоты, духовности и искусства. Я был рядом с ней.

Сегодня полдень. Яркое солнце, голубое небо. Тепло. К вечеру пасмурные тучи, затишье (никогда мне не было так тяжело!). Потом ветер, снег, солнце тусклой монетой в завихрениях вьюги. Потом солнце, торжественный вид города с высоты, четко освещенные кубы домов, заснеженные дальние сопки. Все думал о себе. Меня тянет прошлое. Надо порвать с ним и с чистым сердцем устремиться в будущее. Оно прекрасно.

Странно, я все более ощущаю свое одиночество и слабость. В чем причина? «Будем мужественны и попытаемся вновь обрести энергию и жизнерадостность», как писал Ван Гог. Я дал Наташе многое, она не забудет меня. Обогрел ее сердце и научил его мягкости и нежности. Сегодня я видел прозрачно-голубые безмятежно-чистые глаза. Она была в белом парике, желтом пальто и белых сапожках.

25.04.76. Тени. Розовые обои, полосы светло-розового, салатного, белого и фиолетового. Охристо-красный диван. С. сидит, запрокинув руки за голову, в бело-красном платье, закрыв глаза. Красивое лицо, как я раньше не замечал. Тома в серебристо-сером брючном костюме, красная рубашка. Красиво тает на фоне обоев переливчато фиолетовая кофточка Канн Л.М., синяя юбка. Н.М. в белом костюме, раскрасневшаяся, с ресницами загнутыми вверх. Ольга в черном, с большими кружевами, в очках, полненькая. Мягкий вечерний свет струится в широкое окно, через прозрачные занавески. Днем весна, после полудня снег, пасмурно, вечером покой мокрой такой земли, запах свежести, усталость вечернего дня, толпы людей, гуляющих, пьяные мужчины, пугливые девушки, как козочки в брючках, развевающихся на ветру.

Мощные очертания сопки, еще заснеженных. Я полюбил тонкую призрачную красоту Севера, Мурманск. Спящий, живой, трепещущий залив с сонно стоящими на рейде кораблями, печальное кладбище кораблей.

В минуты тихого, прекрасного счастья вспоминаю об умершей Ангелине. Господи, как трудно расстаться с этим чудесным сложным, грустным миром.

С. сказала, что я очень весел был днем, сиял, а вечером – печальные глаза. Она очень тонко чувствует настроение, чутка к душевному состоянию друзей. Сказала, что не зря, видимо, «приютила» меня; без нее я чувствовал бы себя чужим, непонятым и одиноким. Что она видит во мне? Молодого восточного парня в искусстве, но чувствует мою тоску.

Слушал «Караван». Странное чувство, словно душа замирает, нечто далекое, родное, забытое и близкое припоминается.

Какой хороший круг друзей – знакомых у меня здесь. Наталья, Светлана, Наталья, Люся, Наташа, Саша Прудников. Здорово.

Когда умывался, вспомнил, как в детстве ездили с отцом на Амударью, на озера, ловили рыбу. Помню, море желтой и быстрой воды, запах ухи, прелой воды, краски заката, прохладу вечеров, свежесть розовых, оранжевых рассветов.

Черный оратор в сумраке на красной стене. Мягкие, плавные жесты рук, французенка, несколько художников.

Тонкие осины трепещут листвою. Весна томит душу; восторг и мечта, торжественные золотые рассветы, как хорал Баха.

Мраморный столик, залитый имбирным пивом, солнце заливают комнату, в широких лучах света плавают золотые пылинки. Словно все мироздание кружится в вечном танце бытия.

Зеркальная гладь озера отражает синюю гамму небес, темно-зеленные берега, серый песок и галька на берегу. Солнце царит в мире, гомон, мельканье разноцветных одежд, сотни лиц (каждое - целая Вселенная), звон трамвая, гудки машин, свежая листва высоких деревьев, прозрачно-синяя тень. Румяное лицо продавщицы мороженого, отрешенность старушек, и безмятежный покой в глазах младенца в белой коляске. Это Ташкент. Зеркальная гладь озера отражает гамму небес, звон, грохот, звон, грохот.

26.04.76. Тени. Вечерний воздух прозрачен. В глубине сада на раскладушке лежит мальчик в черном и читает книгу. Перелетая с ветки на ветку, о чем-то щебечут, чирикают воробьи. А я погружен в неистовый мир «Собора Парижской Богоматери».

30.04.76. Отчуждение от себя. Производит странное ощущение непрерывность собственного сознания. Это ведет к мысли «Я - все, мир – иллюзия». Начало болезни. Раздвоение личности. Необходимо найти оружие от собственной расплывчатости, внушаемости и стать более четким, определить свои границы. Конечно, всеобщность – хорошо, но в форме расплывчатости это приводит к потере личности. Что же делать? Найти опору в себе. Выбрать себя. И от этого идти.

Тени. Я сейчас близок к самоубийству. Странно подумать, что я есть я, что мир существовал до меня и будет существовать после, а мое маленькое кратковременное сознание и пробуждение из небытия исчезнет без следа. Но более странно мое самоощущение неизменности, невозможности выйти за пределы своего «Я». «Я» - моя тюрьма. И нет выхода из этого тупика. После неудачной попытки прорваться сквозь одиночество я возвращаюсь опять «на круги своя» снова к одиночеству. Во мне сильно развита рефлексия. Тревожит, что тоскливое состояние, апатия и скука следуют так быстро через короткие промежутки уверенности, веры в себя, радости. Скорее всего – это подавленное чувство свободы. Читаю Фриша - «Штиллер» с интересом. Такие романы –

исповеди, поток сознания. Психологические исповеди. Есть в характере Штиллера и Ларкина болезненность, угнетенность духа. Макс Фриш следует дорогой Томаса Манна. Особенно напоминает «Волшебную гору» - Гуди в Давосе.

Сегодня 30 апреля. Как бы не случился заново мой прошлогодний суицид. Это будет крушение всего. Прав Хайдеггер в своих «пограничных ситуациях».

Тени. Воспоминания – замкнутый мир, недоступный другим, единственная реальность на свете. Это то, что понятно только тебе, ты как король в своем королевстве. Каждый человек, видимо, клубок воспоминаний. Мир воспоминаний – это машина, методично пережевывающая время и отчасти пространство, превращающая неведомое будущее в сундук воспоминаний до тех пор, пока не наступит смерть, и бесполезный сундук сожгут и развуют в бесконечном пространстве бытия. Есть ли какой-то смысл в жизни в этом безрадостном существовании, полном тоски, скуки, страха, уныния и однообразия. Ты все чаще вспоминаешь зарезанную Ангелину, и не находишь никакого смысла ни в ее смерти, ни в своем дальнейшем существовании.

Тени. Холодная Нукус кая осень. Лужицы, на застывшей земле, покрыты прозрачным тонким льдом в прожилках трещин, под ним мутно-желтая вода. Наташа, Валентин, Эльмира, Елена, Эркин – милая компания вдохновенных, очарованных искусством, разных и похожих людей.

Высокие изящные деревья красиво изгибаются по обочинам серой дороги под серым низким небом. Иногда выпадают теплые солнечные дни, когда небо удивительно голубое, земля дышит усталостью и покоем, по улочкам спешат черные фигурки прохожих. Вырубили городской парк. Сиротливо высится на пустыре бывшего парка здание летнего кинотеатра.

Я одни в доме, слушаю Новеллу Матвееву, Пита Сигера, на стене фото Че, скоро я уеду, на столе печенье, банка сгущенки и «Божественная комедия».

Зима под обаянием «Орельена», «Божественной комедии» и книгой о Че.

Тоска в больнице. За окном выпал первый снежок. Как завидуешь прохожим, идущим куда хотят, и когда хотят. Тоска больничной палаты. Первый снег за окном, сумерки.

Ночью возвращаемся с папой из кинотеатра «Родина». Свет спичек на мгновение выхватывает из тьмы красное лицо прикуривающего прохожего. На синем небе черный силуэт памятника Ленину.

Характерно для марта: слабость тела и горение духа. Контрасты характера.

Тени. В пустом автобусе по ночному Ташкенту, потом бегом от Ак тепе до Бешагача. Наконец, запыхавшийся, вдыхая вечернюю прохладу, под черными деревьями подхожу к темному переулку. Желтый круг света перед домом.

3.05.76. Ушли письма к Свете и Наташе (о примирении). Сыграли ДМБ Штанко и Голованов. Светлый день, солнце, штиль. Весь день брюки и галанка! Сделал брюки. Ничего не читал.

5.05.76. Рассказ Якова о двух парнях из Мурманска в Ялте. Девушка падает со скалы и умирает. За красным пончо никто не пришел. Вчера отправил письмо с рисунками и своим фото Н.

Смотрю Хайме Сутина. Сегодня Наташа должна получить мое письмо, завтра два вторых. Если она завтра утром отправит ответ, он придет послезавтра, 7-го числа. Мне даже кажется, что она вообще не ответит, если и ответит... Спокойное течение жизни нарушено, не читаю и не тянет, не рисую и не тянет. Сплю много, сняться сложные цветные, прямо-таки сюжетные сны. Но потом не могу вспомнить, о чем они.

К концу службы я и мои одногодки по службе стали истеричными, несдержанными, в глазах появилось нечто отсутствующее, мысленно мы уже дома и далеко отсюда. Мне уже чудится перестук колес поезда, как три года назад.

Вчера на заводе повстречал в буфете одну женщину, чрезвычайно похожую на Лену Худоногову.

Время проходит пусто и никчемно. Сегодня закончил шить манжеты, погоны и в штаб. Останется завтра прогладить всю форму, потом купить плавки и ремень с бляхой, сложить всю форму в портфель и заняться ожиданием часа свободы.

Сергей прислал 30 рублей. Почему он не ответил на то мое письмо и через столько времени прислал деньги. Надо бы отблагодарить его за них. Что делать в будущем. Останусь работать в музее, потом в Мурманск и весной 1978 года в странствие по Востоку. Хорошо повидать Ромула, Сергея, Валю, Люду, Таню, Раю, Эльмиру, Фаину Михайловну, школу, Поля, Соню. Разыскать всех прошлых друзей; съездить в Одессу и Красноярск. Дождаться приезда Нади с семьей, увидеть Августу Ивановну, Евгения Ивановича, сестру Нади, Синьковых, сходить на могилу Ангелины, зайти к их родителям, увидеть Элю, Алика Нишанова, Игоря Витальевича, Алишера, Витю Баланова, Аширбая, Витю моего, маму, сестер, Арслана, отца, двоюродных сестер и братьев, Нукус. Словом все прошлое и позабытое. Кончается долгий период жизни. Три года, отданных Северу, наложили отпечаток на мою душу. Теперь я не прежний идеалист, Жолсон, а трезвее, грубее, черствее. Волнуюсь перед свободной жизнью. Это естественно.

6.05.76. Сон цветной и золотой. Н.Л. в сумерках, прикосновение, сплетни москвичей обо мне. Встреча ночью с Александром Ветровым. Ревность, коридор, палатка, уход в тоске. Вчера вечером «урок философии доктора Жолдасова». Но путаюсь в философских направлениях, датах. В голове, видимо, каша и недостаточно соображения. К тому же несколько рискованна пропаганда левых философских школ (Шопенгауэр, Ницше, Гамон, Якоби, Швейцер, Макс Штирнер). Делаю упор на субъективных идеалистах, индивидуалистах и т.д.

Цикл «Тени», видимо, закончился. Погода пасмурная, серые пепельные облака в дымном небе, сырой воздух. Пролетит ворона или высоко в небе четыре чайки, пронесется вертолет и колыхнется серая вода. Она (Н.Л.) мне снится все время.

Вчера на берег сошли еще трое – Руденко, Михайлов и Лейнарт. Сегодня – Шишкин и т.д. Я, где-сойду в 15-20 числа.

7 мая 1976 г. Нарисовал график старпому. 3 года назад я вышел из дома и с тех пор не возвращался туда. 3-й год, вернее, «3-й урок философии д-ра Жолдасова».

9 мая. Вчера в 9 часов вышел с корабля. Галина, такси, Н. Терекова, Розовый рассвет, Хампердинк, разговор с Галиной. Утром Грабовский будит с нежностью. Простились в 5-ом автобусе. Сочетание покоя природы с праздничной суетой людей. После прощания удивительное чувство покоя, и какой-то наполненной грусти. Поцеловались. Грабовский мил, очень обаятелен. Света грустит. Это мое первое соприкосновение со свободной жизнью. Нужно быть сильным, спокойным, сдержанным, трезвее учитывать обстановку и не отчаиваться перед препятствиями.

10 мая. В 11:20 обрел свободу.

11 мая. День в поезде. Прекрасный закат. Прохладный простор, дым от горящей травы. Озера подо льдом. Высокие, стройные леса. Осина, ясень, береза - удивительно стройные, паруса красавицы и мохнатые ели. Грустно и радостно. Часто вспоминаю Свету. Единственный, по-настоящему близкий мне человек. Грущу по ней, она осталась там. Но скоро все мои друзья двинутся на юг. Вечером сойду в Питере.

12 мая. 6 утра. Я в Питере. Мистическое чувство. Восторг и подавленность. Сажу на набережной Невы. Восходит солнце, желто-золотое. Напротив Академия художеств, не верится.

Половина десятого. Брожу по Питеру, ноги гудят, видел музей Достоевского, ГРМ, Эрмитаж. Солнце, светлый купол неба и потоки людей на улицах, много молодежи и девушек. Я растерян. Сколько красивых девушек в Питере!

Посмотрел весь Русский музей. Впечатление неважное. К тому же очень устал. Много академизма. Бруни, Репин, Серов. Врубеля не лучшие вещи. Начало XX века представлены незначительно. Но есть прекрасный Осмеркин, Поленов, Лебедев, хорош Дейнека, Нестеров, Тырса, Лебедев и Петров-Водкин. Наверху громадная выставка В. Иванова. Нравится его работоспособность, драматичность и серьезность. Хочу уехать. Но надо найти Н. М. и побывать в Эрмитаже.

13 мая. 9 часов вечера. Я на суматошном Казанском. Еду в Ташкент. Радость и грусть. Скоро буду в Ташкенте, дома, а позади три года севера, Света, Наташа. Проверили меня на «богатство» московские таборы цыган.

2 часа ночи. Еду в впервые в купейном. Со мной едут Усман, Аман, отпускники из Германии. Стоял в тамбуре, думал о прошлом, которое впереди и о недавнем, которое ушло в прошлое. Грустно прощаться с Европой. Но я вернусь еще.

В воскресенье утром буду в Ташкенте, надо зайти к Косаревым, Ф. Перовой, Маку, Рамилю, в школу, в институт, в поля, побродить по городу, с которым меня многое связывает. Отправил записку Свете. За окном дождливая ночь, огни, при мертвенно белом свете фонарей. Странно, что я совсем не вспоминаю корабль, Сандула. Сколько радости, грусти, разгула в дембельских поездах, чего только не видел. Света осталась в Мурманске, дорогой мне человек.

Спокойной ночи, Эдик. Прошлое кончилось, будущее не наступило, я в пути к нему. Москва была пасмурной, Питер солнечным,

14 мая. Проснулся в 6. Кругом зеленые поля. Пьем чай, едим сухой паек, беседуем о службе с молодыми узбеками, которые в Германии набрались пошлой немецкой культуры. Но хорошо, что у них расширяется кругозор. Кругом леса, чернозем, поля.

15 мая. Стало жарко. Проезжаем чудовищные просторы Казахстана. В жалких поселках у станций играют дети, бродят облезлые двугорбые верблюды, трогательные мохнатые верблюжата, запеленатые как младенцы. Рядом кладбище, пестро раскрашенные мазары. Казахи чтят предков и украшают памятники им лучше, нежели себе дома.

Свете, Галине лучше ехать сюда на поезде, так они постепенно привыкнут к Востоку. На зеленой равнине пасутся верблюды, кони, овцы, коровы. Холмистые дали, вдали Арал. Прозрачная голубая прохлада неба, след реактивного самолета и зной земли. Или желтая земля, фиолетовое небо и розово - белые облака. Напоминает Павла Кузнецова. Завтра утром буду в «каменном городе».

Равнины, поселки, приземистые глиняные дома, выбеленные кладбища, пасутся овцы, неторопливо шагают верблюды. Вчера ночью кончилась Европа, пасмурная, свежая, зелено-высокие деревья и начался загорелый, запыленный, жаркий, огромный, грязный восток. Здесь на равнине, как в море, познаешь величие просторов неба и земли, гармонию и связь. На севере все сдавлено, скученно, сжато сопками и низкими облаками. Оранжевая земля, умбристо-красная трава, зелено-золотое небо. Как сквозь бутылку из-под «Байкала». Нужно быть сумасшедшим, чтобы не утверждать, что этот мир порождение твоей воли и твое представление. Верно, что без моих глаз не было бы этого мира, но и без мира не было бы моих глаз.

Станция. Загорелые казашки продают связки медной копченой рыбы. «Чай барма, жокбо». В простеньких сатиновых платьях, атласных кофточках. На этой станции есть уже деревья, зелень. Стайка школьников в белых рубашонках с красными галстуками.

Станция. Синее ночное небо, яркая зелень, звезды. Три девушки смеются на перроне. Небо плотно-белое, в серо-синих просветах, охристо-серая земля, извивающиеся ветки дерева, зеленая трава. Ночь. Кызыл - орда. Проводили допризывников с магнитофоном и гитарой. Скоро Ташкент. На душе весело и хорошо. Выпил в беспорядочной компании.

Позади Мурманск, милая Света и безмятежная, грустная, чужая и холодная Наташа. Лена и Валентин тоже не знают, что я еду на Восток, к свободе. А Витя еще сидит в «зоне».

Мертвенный свет фонарей, освещает вагоны, рельсы, черное небо. Шестой день еду домой, из памяти выветрились тоскливые дни службы, словно дни заключения. А я думал, что легко перенесу ее, даже не на флоте, а в десанте. Ан, вон как вышло!

18 мая. 3-й день в Ташкенте. Много зелени. Видел Сергея (Макарика), Валю (Корнилову, повзрослела, в квартире пусто, нет мужских рук, одинока, сильно переменялась), Люду, Фаину Михайловну Перову и самого Перова, Талдыкина. Был в институте, в школе и дома. Был у Бориса Токмина. Жена его хорошо выглядит. Слышал, что Сима Затуловская болеет. Был у Августы Ивановны. Дядя Женя все работает, старик. Выпили облепиховой настойки. Занял 10 руб. у Анны Акимовны. Завтра уеду. Ташкент ошеломляет, жара, люди, дети, город бурлит, живет своей жизнью, он, словно скала стоит вечно, а мы, как волны, пробегаем сквозь него. Очень много роз, цветов. Зелени. Девушки очень легко одеты. Много фруктов, винограда.

20 мая. 10-й день пути. Сел в поезд Ташкент-Бейнеу. В пятницу буду дома. Надеюсь, все будет хорошо. Очень надеюсь, но чего-то страшусь. Дай Бог, да минует нас чаша сия.

Был ливень сильный, искры аж от проводов летели. Дядя Женя и Августа Ивановна в темных комнатах одни, вдруг потемнело, и пошел дождь. Она, наверное, попала под ливень. Итак, я провел в Ташкенте 4 дня. Шел по прохладным тенистым улочкам к Августе Ивановне. Вчера был в гостях у Алика (Нишанова). Смотрели слайды, фильмы, фото, ели отличные голубцы. Армен очень мил, Гриша (Капцан) такой же бойкий, рассказывает анекдоты.

18 июня. Писал этюд у Вали, копировал Сезанна, Джотто, рисовал натюрморт. Делал наброски, писал пейзаж, дописывал портрет. Завтра на пасеку.

23 июня. Есть одиночество и труд, о котором я знал и предполагал, что оно наступит. И нужно быть гордым от того что ты один и трудишься.

26 июля. Готовлюсь к экзамену по истории СССР. Вечером был у Люды К. Приехала К. Валя и Наташа С. Привез полный портфель книг. Есть материалы о Че. Повздорил с Сергеем М. о пособии по истории для абитуриентов. Был у Фаины М. Возвращался вечером и столько чудесных мотивов видел. Ташкент - удивительный город. Понравился еврейский тип головы девушки, в платье голубого горошка. Нос с горбинкой и восточные глаза. Спорил с Рамилем Х. о Бурмакине и Талдыкине. Все больше очаровываюсь своим голубым пейзажем. Это, видимо лучшее, что я до сих пор написал.

6 августа. Приезжал Камиль Ибрагимов и Цой Миша с коньяком. Вышел пьяный разговор, потом стычка и плодотворный разговор с Сергеем. Читаю «Ганди», смотрел Коро. Днем много работал.

2 сентября 1976. Устроился к Савицкому. Тонирую «Чайхану» Волкова. Читаю сборник рефератов «Современные концепции культурного кризиса на Западе». Эльмира спрашивала, что я читаю. Сама – японцев. Получили письмо от Вити. Был в рекламном бюро. Панин сказал, что нет «горящей» работы. На выставке понравился Утегенов. Он

идет вперед в творчестве. Но пока – разбеленность и зализанность. Сегодня подумал, что Ташкентский музей искусств не сравнить с Нукусским. Редько неплох.

«Смех – последнее оружие надежды. Теснимые со всех сторон слабоумием и уродством, вынужденные допустить возможную близость апокалиптической катастрофы, мы, тем не менее, лелеем смех, как свою, должно быть, последнюю защиту. В присутствии бедствий и смерти мы смеемся вместо того, чтобы креститься». Кокс – «Праздник шутов», Тиллих - «Потрясение основ».

«Мы без конца говорили и никогда не прислушиваемся к голосам, обращаемся к нашей глубине и из нашей глубины. Мы принимаем себя такими, какими себе кажемся, и не заботимся о том, что мы есть в действительности. Как безответственные водители, мы калечим свою душу скоростью, с какой мчимся по поверхности, а потом уносимся прочь, оставляя одинокую душу истекать кровью. И хуже того: многие из нас утратили способность жить с природой. Мы наполняем ее шумом пустой болтовни, вместо того, чтобы прислушаться к ее многим голосам и через них к безмолвной музыке вселенной».

«Человек расколот в самом себе. Жизнь выступает против самой себя в агрессии, ненависти и отчаянии. Мы обычно осуждаем любовь к себе; но в действительности здесь имеется в виду нечто противоположное. Это – та смесь эгоизма и ненависти к себе, которая неизменно преследует нас, которая мешает нам любить других и которая не дает нам забыться в той любви, которую мы вечно любимы... В каждом из нас заложен инстинкт саморазрушения, столь же сильный, как инстинкт самосохранения. В нашем стремлении оскорблять и уничтожать других есть открытое или тайное стремление оскорблять и уничтожать самих себя. Жестокость по отношению к другим есть всегда также жестокость по отношению к самим себе. Нет ничего более очевидного, чем этот раскол как нашей бессознательной жизни, так и нашей сознательной личности. (с.166). Тиллих.

7 сентября. 24:00. Сегодня был значительный день. С утра до вечера неотлучно находился рядом с И.В. (Савицким). Утром я, открывая окна музея, увидел его. Он приехал из Ташкента. На нем черный пиджак, рубашка с галстуком, с толстым портфелем. Он смеялся, шутил, видимо был в хорошем настроении. В коллегии министерства в Ташкенте против его ожидания, его хорошо встретили. День разделился на три части. В первой части он читал лекцию (просто рассказывал, делился с мыслями с сотрудниками музея, 6 девушек и я) о выставке каракалпакских художников. Особо отметил Утегенова, назвал гениальным - «В его видах есть Каракалпакия». Все работы каракалпакских художников он рассматривал с точки зрения выражения именно Каракалпакии, ее своеобразной природы духа, критиковал другого рода работы - «Они считают себя, я не знаю, гениями, что-ли. Такие вещи могут быть где угодно... в Африке, Австралии и т.д. Так делают везде и на выставках таких вещей полно. Но это не Каракалпакия. Если их сравнить с работами Утегенова, то видно, что у него есть свое лицо. Здесь же я ничего своего я не вижу. Это формальное подражание искусству 20-х годов. Но тогда все было искренне. А вот пейзажи Худайбергенова мне нравятся. В нем есть Каракалпакия, тонкость цвета». О Петропавлове сказал: «В нем есть божия искра и она позволяет ему создавать тонкие вещи. Петропалов хороший художник, но он сейчас в плохом положении, пьет, мало (ничего) пишет». О работах Серекеева «Они своеобразны и передают каракалпакский колорит».

Потом к нему подошел какой-то аферист в костюме, неприятный тип, губы как присоски, выпирающий подбородок, с неизменными портфелем, в очках, глазами так и сверлит, наглый, прилипчивый. И.В.- «Он просил работы самодеятельных художников для выставки в Ташкенте».

Савицкий был раздражен и указаниями министерства культуры о том, кого выставлять или не выставлять – «В министерстве культуры есть 2-3 человека, которые понимают что

такое живопись. А остальное - нет. И сам министр тоже. Их поставили по партийной линии, и они делают свое дело. Картины снимают с выставок».

Когда И.В. пообедал, пошли в музей. Он продолжил свою лекцию. Потом говорил об Атабаеве, при всей кажущейся однообразности - он, несомненно, интересен, маски монументальны. Отец Атабаева был председателем Совета Министров Туркмении, был расстрелян, потом реабилитирован.

И. В. о Редько говорил с восторгом. Уехал во Францию в 1926, вернулся в 1935-1936 году. Был исключен из Союза Художников в 1946 году за то, что учился во Франции искусству буржуазии. Говорил о Фальке, что он тоже, кажется, был исключен и говорил, что Фальк родился в Москве, в чисто еврейской семье. Очень националистичной. Фальк однажды доехал до Вены, где были его родители. Отец был очень строг, дома ели только мясо, ни фруктов, ни овощей. И поэтому, однажды в гостях он съел целый пакет горького миндаля. В 1930 году уехал во Францию, в 1939 вернулся, потому что сын не хотел оставаться во Франции. Сын был убит на войне.

И.В. об Ульянове. «Дома у Ульяновых картины висели в 4 ряда, и я по привычке (со смехом) тоже повесил так же (тесно). Художник большой культуры, рисовал блестяще. В нем есть цельность, целенаправленность. Это настоящий аристократ (в лучшем смысле этого слова). В трудное время жил в Самарканде, особенно, во время эвакуации. Страдал астмой, не мог сделать и шага без нитроглицерина. Жена, Анна Семеновна, была психически больна. Сейчас часть работ Ульянова у Киры Киселевой, ученицы Ульянова. Я сам учился у Ульянова и у этого ...Фалька. К Кире работы перешли в наследство от сестры жены Ульянова, Вари Яковлевны».

8 сентября. Савицкий был сегодня и не возбужден, и не подавлен. Ушел к Камалову. Перед этим я взял у него 4 кисти и гуашь. Затонировал портрет «Девушки с зеленоватыми глазами» Захарова. Неудачно, Савицкий разругал: «У тебя нет вкуса...». Потом смягчился: «...у тебя нет культуры, обыкновенной культуры».

Мы договорились с Эльмирой съездить к Олегу Емельянову. У Олега старинное зеркало, занавеска в казахском стиле. Черные узоры на красном фоне, машинка в духе фото Эрнесто Хемингуэя на стене. Жена Олега преподаватель английского языка, есть сын. Жена напоминает актрису, которая играла Жанну Д'Арк. Потом заехал к Курочкину Гене и его жене. Они живут в бывшей квартире Худоноговой и Теплова. Поговорили об искусстве, археологии, личных взаимоотношениях Савицкого с Курочкиным (Савицкий, мол, консерватор, не признает школу Массона и Пугаченковой).

Курзина посадили за выступления на базарах против правительства. И донесли на него – об этом Мартаков умалчивает. Единственно, что он сказал это то, что на него донесли свои же и они еще живы.

Курочкин того же мнения, что Эля может и должна написать о Курзине. Савицкий: «Курочкин очень вредный человек! А эта его история с анонимкой на Анну Трофимовну». Курочкин: «У меня тоже, как и у Анны Трофимовны нет Нукусской прописки». После работы в музей заехал Арслан. Поздоровался и остался говорить с Савицким.

9 сентября. Разговор с Алексеем был о Гольдрее Азике Ароновиче. Тот не любил Бенькова. Тогда все ему подражали и славословили «Вот, мол, Беньков – великий художник». А я нет, я ругал его. Бурмакин, будучи 16 мальчишкой учился на 1 курсе училища. Высокий, беленький, губки цветком. Пел «В стране Пенджаб, был жестокий ...». Гольдрей приносил банки охристо-желтой краски из дома (сам готовил) студентам. Но никто не пользовался ею, кроме одного грека.

Осень, приехали братья Волковы. Саша, младший, седой, даже бородка седая. Старший крепко сложенный, жилистый. Идем за город, в сад института, рисовать. Он, сидя на

корточках, пишет чешской масляной пастелью яркие наброски осенних деревьев, мягкого неба, белых облаков. Я же рисую твердым простым грифелем. Пара набросков ему понравилась. Когда я показывал ему свои картины, он отметил Баха и портрет Ван Гога на фоне большого желтого Солнца.

10 октября. Второй день на хлопке. Вчера в суете перебрались из барака в барак. Наконец заночевали в бараке 5, утром перебрались в барак 4. Собирали хлопок на большом поле. Начал читать Лаврецкого.

12 октября. Ранее утро. Вчера вечером Ф. принесла алкоголь. Мы здорово выпили. Гуляли с С.М.. Сидел, пил кофе, говорил с Людой и Филипом – доком. Собрал вчера 48 килограмм. Читал Лаврецкого. До сих пор кружится голова.

13 октября. 3-й день на хлопке. И как будто целая вечность. Руки исцарапаны. Вчера пели песни, ходили к С. и к Шоу. До обеда 40 кг, после 16, устал. Хорошо поел. Читать неохота. Ребята сделали электрогитары. Вечером будут танцы. Нелю записали в «отстающие». Девочки устали. Настроение неважное. Весь день солнце. Жара, пыль, тяжелые сапоги. Только в тени тополей хорошо. Шелестят листья, прохладный ветер – лучшее изобретение Бога и чудесная холодная вода. Попросил фартук у ребят, не дали. Поют грустные песни.

15 октября. Вчера выдал 70 кг. Вечером много смеха, музыки. Почитал книгу Лаврецкого. Уснул не раздеваясь. Когда разговаривали с Рамилом о Курзине, мне пришла в голову мысль написать самому его биографию. От этих искусствоведов не дождёшься. Снился большой барак и кукольный театр. Поют птицы на крыше, работает движок, разговоры просыпающихся ребят.

Вечер. Выдал 77 кг до обеда, очень устал. С Ромулом новые темы для разговоров. Новая живопись, новые сюжеты. Надо хотя бы написать предисловие к «Курзину». Сегодня музыка с двумя усилителями. Один причесывается, другой наряжается, раздается деланный смех, кто-то возбужден и лезет в драку. Вспомнил моего брата-мученика.

В искусстве, как и в жизни нужна определённая дисциплина и последовательность. Первое не исключить, второе может быть и без него. Света пыталась пошутить, но я никак не отреагировал, я не прощаю обид, особенно когда меня выгоняют те, к кому я прихожу искренне. Наши девчата нравятся мне. Нели обаятельна, как натурщица Модильяни, Майя похожа на Эльмиру, только искренней и порывистой.

16 октября. Снился кошмар, о том, как манекен заговорил, я убил его и очень переживал. Вчера выпили «Старки». Потом слушал музыку Битлов, Супер-Star, дико танцевал. Действительно в бесконтрольном сознании просыпается дикарь. Света вечером заглядывает вверх. Саида выразительно смотрит. Сделал ошибку, пригласив Свету и еще одну на танец (Руссос), а они отказались. Сегодня, по-видимому, не чистый хлопок, а подбор. Вспомнил брата Витю. Немного читал о Че. Сегодня 5-й день на хлопке. Обедать будем на поле.

Вечер. Красивейшая музыка играет. «Назарет»- чудо ансамбль. Весь день хорошее настроение, поговорил с Андреем в основном о поп-музыке. С Рамилом о Эрнесто Че Геваре. «Я готов отдать свою жизнь». Одел голубой свитер. Лежу на верхних нарах, пишу дневник на чемодане. Слышен запах еды, шуршание, ударник, разговоры, дребезжание, электрогитары. Рядом лежит книга Лаврецкого «Эрнесто Че Гевара». Как мой Витя? Сегодня видел Саиду и не посмотрел на нее, хотя она ждала и видимо смотрела. К черту! Неужели я опять увлечен. Читал стихи Данте, Блока на поле. Света попросила курить, дал 4 сигареты. «Какой ты добрый» - сказала она. Зовет Рамиль на ужин. Мы хохмим и называем друг друга «Святым Рамилом» и «Святым Эдиком». Майя - «Святая Анна». Сегодня впервые собирал подбор. Итог 67 кг. Мало. Но для первого раза достаточно.

17 октября. Вчера ночью шел дождь. Мы танцевали под дождем. Утром разбудил шум движка. Ромул играет на гитаре, сидя в майке на постели. Призывы повара - «Ребята, сливочное масло каждый получает за себя». На синем небе темно-синие облака, луна плывет между ними, освещая облака розовым цветом, восток светлеет. Вечером я думал о своей будущей одежде. Берет со звездочкой (даже снилось, что я выбираю звездочки), хаки с большими карманами и бутсы полувоенные. Надпись и силуэт Че на спине, но, по-видимому, не стоит делать. Ребята прекрасно сыграли вещь Роллинг-стоунз «Пока льются слезы». Собрал 33 кг. Очень устал, болит спина. С Ромулом поговорили о народе. Не надо терять народных корней. Быть со своим народом. Сначала был грустен, потом развеселился. Затем думал о Че и тому подобном.

18 октября. Вчера читал о боливийской эпопее Че Гевары. Был сильный ветер, чуть капал дождь. Вдали сверкали молнии. Видимо дождь прошел стороной. Вчера отправил письмо домой. Быть сосредоточенней, целеустремленней. Каждый час, день моей жизни должен стать подготовкой к подвигу и вся жизнь стать подвигом. Смотрю на наш барак, где попеременно уютятся девушки, а парни в углу, горит свеча. Думаю о Федоре Михайловиче Достоевском, который провел 4 года в мертвом доме. Ему не давали читать, писать. Вспоминаю о моем братишке. Как плакала мама, прощаясь с ним. Как их вели толпами под конвоем за колючей проволокой. Никому не желаю увидеть своего брата за колючей проволокой.

Моя увлеченность - ерунда и скоро пройдет. Но разве было легко Че Геваре в Кочабамбе между Потоси и Санта-Крусом, разве ему было сладко в Игере и Ложбине. Время идет. 9 дней назад было 9 лет со дня героической гибели Че в Игере. «Я верю в бессмертие революции» - сказал он перед смертью.

Вечер. Долго ждал ужин. Читал Блока. Дочитал о Че. Грустно, зябко. Рамиль с Нелей играют в шахматы. Скоро отбой. Я чувствую, что она любит меня. Взгляд у дверей, взгляд проходя. Снова подошла в оранжевых брюках, попросила шахматы. Как же это так я не уберегся, глупо влюбился? Влюбленный, жалок, и как ребенок наивен.

19 октября. Проснулся рано. От шума дождя. Ромул говорит, что я стонал во сне. И угораздило меня влюбиться. Пишу письмо Савицкому. Идет дождь. То сильно, то слабо, слышен чей-то истеричный смех. Снился мне довольно странный сон о том, что мы едем в машине.

Я должен написать книгу о М.А. Курзине и издать ее. Что если я начну изучать его творчество и попрошу совета у И. В. Савицкого.

Начну писать книгу, писать пейзажи, портреты. Наверное, мне уже ответила Надя. И главное - изучать испанский, опыт Че Гевары и партизанской войны (вообще, революции на Кубе). Этот дневник я буду вести изо дня в день всю жизнь.

Эль Патохо, Вакерито, Торрес К., Э. Мондлане, Ф. Фонон. Прошло, полмесяца со времени начала учебы. Я написал несколько портретов, но этого недостаточно. Я так и не приступил к изучению испанского, много болтаю и так и не стал целеустремлен.

20 октября. Начал читать превосходную книгу Франца Меринга о Карле Марксе, подчеркивая важные и понравившиеся места. Вечером, когда стемнело, с Рашидом и Исмаилом ходил в соседний барак, выяснять отношения. Оказывается, без нас уже «разобрались». По дороге мы разговаривали о небе, маме, Савицком, Нукусе, спорте. Исмаил, оказывается, живет в получасах езды от Солдатского. Приглашал меня. С Рашидом поговорили о Фараде, моем старом тренере по гимнастике в Нукусе. Вечером сидел перед отбоем с девочками и разговаривал о Махатме Ганди (читает Майя) и Эрнесто Че Геваре (читает Неля). Что за прелестные у нас с Рамилем подруги.

Вспомнил о прекрасном стиле Маркса и Анатоля Франца. С Рамилем мы вчера беседовали о весьма важных вопросах. Он задумал картину «Поселенец и пастух». Я лежал, читал книгу, а Саида то и дело проходила туда-сюда и даже подошла к нашей каморке, поговорила с девочками.

Как же там Савицкий, как музей. Вспомнил, мне снилась мама, переезды, Нукус, какая-то Нина. Следовать Эрнесто Че Геваре – вот путь. Кончился период разброда, шатаний и я должен приняться за основное дело своей жизни.

Как же быть с книгой о Курзине? Написать предисловие. Узнать адрес жены Курзина. Сфотографировать картины в Ташкенте и Нукусе. Собрать книги о нем. Составить библиографию. Найти людей знавших его и родственников. Списать с Земской и попросить материалы для книги о Курзине. Это надо сделать через Игоря Витальевича. Сходить к Новикову. Спросить по приезду у Фаины Михайловны, сможет ли она чем-то мне помочь в этом отношении. Написать Эльмире и спросить об этом.

Продолжаю сбор хлопка и читать Меринга. Так красивы тяжелые серые облака над темно-зелеными деревьями и желто-оранжевым полем, с шумом поднялась стая птиц и улетела вдаль. Шум, шорох, разговоры, игра на гитаре и покой в душе. У нас бутылка водки с Ромулом. Вечером мы разопьем ее на двоих.

Вечер. Собрал после обеда 9 килограммов, итого 23 за день это самая низкая норма моя. Был интереснейший разговор с Ромулом о коммунизме, о коммунистическом искусстве и революции. Сидели, лежали, курили, пили теплый чай, разговаривали. Сегодня мы учредили субботу. Я по приезду в Ташкент договорюсь с Надеждой Ивановной что один день в неделю мы (мои друзья будем собираться у меня дома, пить, курить, обсуждать наши работы, есть что я приготовлю, прекрасно). Видел огромные стаи птиц на горизонте, совсем как «Ад» Доре. Надо написать письмо Савицкому. По радио играет скрипка.

21 октября. О Курзине. Это был самый смелый, самый дерзкий человек в искусстве Узбекистана того времени. Судьба его трагична. Именно из-за его честности, бескомпромиссности, прямооты и смелости. В истории искусства нет другого такого случая, чтобы гениальный художник на 19 лет был вырван из жизни и творчества. Поздние натюрморты очень жизнеутверждающие. Это был огромный жизнелюб. По приезду в Ташкент надо засесть одновременно с «Курзиным» за записи о Савицком. Где же он сейчас?

Маркса читаю в том месте, где он столкнулся с этим клеветником Фогтом. Бесспорно, Меринг очень уважал Маркса как человека, но книга в основном о Марксе - ученом. Исключая некоторые главы.

22 октября. Утром выпили в поле. Было холодно, на грядках, на земле и кустах хлопчатника изморозь и иней. Хлопок примерз к земле. Я сразу начал собирать. Потом взошло и стало все выше и выше подниматься солнце, потеплело и стало даже жарко.

С Женей говорили обо мне, Рамиле, о его будущем, о Дамире, Сергее и договорились, когда мне будет очень грустно, я буду приходить к ней, успокаиваться. Ребята лежат, я пишу дневник, играет гитара. Жене сказал, что мне надо бы родиться раньше, чтобы увидеться с Курзиным. Кроме того я многих увлек Нукусским музеем и Габриелем Гарсия Маркесом. Пока я тут лежу, мой братишка Витя там, в колонии. Господи, как вспомню о том, как их ведут черной массой.

23 октября. Всю ночь снились сны о Вите и маме. Я, будто бы, возвращаюсь с хлопка, встречаю по дороге бабушку Ланг, маму, Витю. Напишу письмо к Фаине Михайловне, чтобы она обдумала, чем может помочь мне в работе о М. Курзине и маме надо написать, Арслану.

Утром я просто ужасно себя чувствовал, головокружение, слабость, тяжесть в голове, усталость. Итог – 12 кг подбора. Мало очень. Приехали новые педагоги и много родителей понаехало. Получил первый раз в жизни стипендию, 40 рублей. Вернее 34 - 6 рублей изъяли на газеты.

24 октября. Произошла смена преподавателей. Уехал с хлопка Лимаков, Шевченко, приехали другие. Шли под дождем по дороге, среди оранжево-красных полей, убранного хлопка. Дошли до оврага с «Хокусаевским» мостиком, довольно шатким. С трудом перебрались на тот берег. Зелень, трава бурого, умбристого, желто-зеленого, каких только не был оттенков, росла по краям оврага.

Надо связаться с Риммой Еремян из Ташкентского музея искусств (зав. советским отделом). У нее дома есть Курзин. Из дома взять фотоаппарат. Через Савицкого я могу познакомиться с Еремян и получить разрешение попасть в фонды музея. Эльмира Ахмедова сказала, что попасть туда почти невозможно. Курзин был в Самарканде и преподавал в художественном училище. Фадеев в этом смысле может помочь. Кроме того есть архив союза художников Узбекистана, крайне скудный и запущенный, судя по рассказам Ирина Николаевны. Она сама кончала институт вместе с Фаиной Михайловной и Светой Николаевой. С последней я могу познакомиться через Фаю. Она работала в Дирекции выставок и в Ташкенте можно найти ее диплом «Рисунки Курзина». Интересно сможет ли помочь в этом мне Алик Нишанов. Э.Р. Ахмедова дала несколько названий книг по истории искусства Узбекистана.

Ромул познакомит меня с Рожковым и Гаглоевой. Вместе сходили к Новикову и Фадееву.

25 октября. Читал немного Маркса. С Ромулом был разговор о марксизме. Я сказал, что симпатизирую больше революционерам-практикам (Бакунин, Че) нежели революционерам-теоретикам плана Маркса, Энгельса, Плеханова и других.

Курзин должен отнять у меня полжизни. Записываю, что помню из рассказов Савицкого и других. Кстати, в монографиях М. Мюнц - мое наблюдение - нет ни одной репродукции Курзина и ни одного слова о нем, одном из основателей Союза художников Узбекистана. А в Ташкентском музее искусств висят несколько его работ без этикеток.

Он однажды напился, пришел в союз и устроил скандал. Отбывал поселение в Бухаре. Потом снова был посажен, кажется, после речи на базаре. Вышел (однажды) на базар и начал говорить толпе нечто антисоветское, антигосударственное. «Надо изучать великую культуру Запада. Я не собираюсь бороться за социализм, где не будет свободы (музыки, искусства, слова, печати), даже буржуазных».

Писать биографию надо строго научно и с величавшей страстью и увлеченностью и, что вдвойне трудно - без домыслов. Пример Б. Даниэльсон «Гоген в Полинезии». Какой фурор произвела эта книга среди искусствоведов.

Э.Р. «Я сегодня буду принцессой, можно?». Надя польстила: «Зачем сегодня, можно быть всю жизнь принцессой». Действительно (она чувствует себя принцессой).

Может быть, удастся у Зои достать для себя (у Арслана) Сашу Черного. Арслану надо сказать, чтобы прислал испанский словарь. Нужна пишущая машинка.

Вспомнил прекрасные вечера и танцы в старой школе, Васю, уик-энды, Арслана, Саню Карпунина, Грецова. Теплые вечера, весенние дожди, пьянящий запах сирени и теплая вода в бассейне под дождем. Пузырева, Кукушкина, Бойко, Маркоса и других.

Отправил письма Савицкому, Арслану, Эльмире о Курзине, Свете о Че. Надо написать еще Наде.

Господи, как истрепали слова «революция» и «коммунизм». Кому не лень называют себя революционерами и революциями называют даже реакционные перевороты. Уж на что фашист Пиночет, и тот называет свои «реформы» революционными.

Книга Меринга о Марксе, честно говоря, очень скучна, удивляюсь, здесь больше изложена история марксизма, но несколько не «история его жизни». Все эти склоки интернационала, фракционный борьбы, парламентской ерунды невыразимо скучны, тем более что все это дела давно минувшей старины. Но ..., чтобы знать историю марксизма нужно прочесть Меринга. Другим достоинством книги является огромная насыщенность ее фактическим материалом, прекрасное знание и огромный очень детальный богатый материал собранный Францем Мерингом. Это пример добросовестного, серьезности подхода к научному произведению. Теперь, после Меринга, надо читать работы Маркса и его друга. Название «история его идей» или что-нибудь в этом роде отвечало бы более чем действительное. Чувствуется, что, лично Меринг не знал Маркса, это умаляет достоинства книги в некотором, но только в некотором смысле.

Великое значение музея Савицкого признают сейчас все (молодые особенно пылко). Арслан не зря сказал, что мне как ученику Савицкого надо подробнее узнать и записать, что помнит он и т.д. Его огромный труд как основу искусства в Каракалпакии. Неужели у его жены рак? Как И.В. отреагирует на мое письмо с предложением написать о Курзине? Скорее всего, скептически, и не ответит до моего приезда в Нукус.

Вспомнил Ван Гога, его ранние глубоко прочувствованные, увлеченные работы маслом. «Девушка в белом, стволы» и «Кладбище». Прекрасные вещи. Надо достать хорошую репродукцию «Автопортрета с отрезанным ухом».

58 килограммов, болит живот. Музыка в бараке. Мечтания с Женей о будущей семейной жизни каждого. Прекрасен «Супер-стар». Если при моем социализме не будет такой музыки, то значит, в конечном счете, я ошибся в нем.

Вечером. 100 кг хлопка. Музыка. Мир в желтые очки. Успокаивает. Думал о воспоминаниях, о пустыне. Надо записать. Сквозь облака блестит заходящее желтое солнце. Розовые облака замками сказочны на горизонте. Я начал понимать красоту сухих осенних листьев, зелено-красных стеблей хлопчатника, на досуге рассмотрел изумительное строение коробочки хлопка.

О Курзине. В работах позднего периода (1956-1957 год) чувствуется потрясающая экспрессия (натюрморт с лещем). Все работы - и натюрморты, и портреты стариков, и старух из дома престарелых. Кстати, надо посетить этот дом престарелых, может быть там мало изменений с 1957 года. Никто из узбекских художников не изображал еду, фрукты, цветы, овощи с таким чувством и вожделием. Это понятно, никто из них не испытал что значит скудный паек зоны. Сравнить натюрморты Волков, Оганесова и Талдыкина с «Арбузами», «Рыбой», «Пельменями» Курзина. Савицкий сказал как-то, что это художник для которого нет ничего невозможного. Удивительно, что он сохранил после стольких лет каторги блестящее мастерство. Это был самый экспрессивный мастер. Какая умудренность (Рембрандтовская) в портретах стариков и старух позднего периода. Творчество его можно разделить на 3 больших периода и согласно им строить композицию книги и сбора материала. Нужна определенная система работы. Период до каторги (масло, гуашь), каторга («Эмигранты», «Поэты», «Базар»), после каторги - 1955-1957 гг. - портреты, натюрморты.

Все работы написаны очень энергично, быстро, а ля прима, с божественным ощущением цвета («Лепешки» ТГМИ). Пейзаж «Море» написан на едином дыхании. Чувство огромного покоя, просветленности, легкой грусти навеивает «Окно». Гуаши «Бай агитирует», «Чайхана», «Старое и новое» написаны едко с сарказмом, мастерски, очень и очень смело. Рисунок «Портрет Узбека» (с оскаленными зубами, бородатый в платке)

нарисован живо, на уровне Кете Кельвитц (ТГМИ). По сравнению с Волковым он художник более камерного и более реалистичного характера. В сравнении же с Усто-Мумином, он беспорядочно - щедр, мощен и энергичен, без утонченности, даже рафинированности последнего.

Интересен почти производственный стиль работы Ирвинга Стоуна, картотеки на каждый день жизни Винсента, диктофон, секретарши, полное одиночество.

Очень добросовестен Чегодаев («Коктебель»). Тщательно разбираются истоки и современное искусство.

27 октября. 9 дней молчания. Прочсть все книги. Проснулся рано. Лежал, смотрел отблески костра, курил, думал о Че, вспоминал о доме. Господи, мне вспомнился сон. Мама, больная, с младенцем в руках. Вчера я пил и сделал несколько глупостей. Откровенничал с Саидой и откровенно к ней приставал

Выпил утром и после обеда стрелецкой настойки. Хорошо. Собрал 73 кг. Очень сухого хлопка (подбор). Значит, я сегодня, больше чем когда-либо собрал до обеда. Возвращаясь, смотрел на мельтешащие в глазах умбристо-коричневые и желтые сухие листья хлопка на грядках и белые пятна, вспомнил, что это колорит некоторых картин Волкова. Теперь понимаю значение картины «Сбор хлопка» в Нукусском музее и «Сбор хлопка» в ТГМИ. Эту горячку хлопкоуборочной компании. Любопытное наблюдение – Саида не появляется на глаза – видимо она успокоилась, после моих откровений вчера вечером спяну. Вчера обиделся на Женю. Сегодня она подошла, кокетливо-красивая, и спросила, что я знаю о мусульманстве. Я откровенно рассказал ей о вчерашнем. Задумал рассказ, несколько из рассказов, один из них «Праздник в Новый Год».

Вечером. Дал после обеда 20 кг. Итого 93 кг. После обеда спал на поле, проснулся. Уезжала Неля, так грустно стало. Небо заволокло серыми тучами, стало пасмурно. Увидел Саиду в испанском пальто, она, низко склонив голову, внимательно и серьезно глядя, сказала «Здравствуй». Я просто поклонился.

28 октября. Мне легче излагать (уже) мысли на бумаге. Дневник – как практика письма. Главное значение его в этом. После обеда. Сделал до 3 часов 100 кг. Эта наибольшая норма за сегодня. Работал с большим напряжением, как на сборе сахарного тростника. Чувствовал себя Эрнесто Че Геварой.

29 октября. Проснулся. Со стыдом вспоминал свою вчерашнюю пьянку. Омерзительно болтал, травил. Какой из меня последователь Че. Дурак, а не последователь Че. Как скотина! Говорил глупости Саиде и Юсуфу. Теперь стыдно на глаза показываться. Хотел еще лечь с девочками внизу. Голова тяжелая, до сих пор кружится. Как я посмотрю теперь в глаза Женечке. Ей-богу, пьяница, но будем мужественны.

После обеда не писал. У меня это вошло в традицию и привычку, каждый день писать что-нибудь в дневник. Я сделал открытие, человек может пьянеть от слов и звуков собственной радости, так же как от алкоголя. До обеда спал на грядке. Открыл глаза и увидел радугу сквозь ресницы, солнце уже высоко в небе. Собрал 21 кг подбора и 4 кг чистого хлопка. Разговаривал с Женечкой. Такой золотой человек, такая милая. Я вчера очень напугал ее, когда пьяный забрался к ней и стал разговаривать.

Лежа на кровати под навесом на бахче, думал о мировоззрении Че. Рассказал девочкам о Германе Гессе «Игра в бисер», Кавабате «Стон горы», «Тысячекрылый журавль», «Снежная страна», «Красотой Японии рожденный», Марселе Прусте «В поисках утраченного времени», «По направлению к Свану».

Женечка, как птенчик выглядывала из платка, когда мы возвращались. Голос Талипа: - «Барыга, айда сюда! Шустрее, шустрее залезай!» Звучит какая-то беспорядочно тихая

музыка. Опускается ночь, темнеет. Слышен смех девочки, возгласы, протяжный разговор, шорохи, хохот, зевки, все это создает своеобразный уют отжитого барака. Вспомнил о Модильяни, Хайме Сутине. Не случилось ли чего дома, что-то мне снятся нехорошие сны о доме.

Книга «Мировоззрение Эрнесто Че Геваре», если она будет написана, окажет влияние на мыслящую молодежь и будет способствовать распространению идеи и святости личности Че, если (опять если) будет напечатана. Надо еще дать Женечке о «Штиллере» и «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша. Да мало ли хороших книг! Г.Г. Маркес «Сто лет одиночества», Ирвин Шоу «Молодые львы», Кэндзабуро Оэ «Опоздавшая молодежь».

Играет «Полонез» Огинского». Какая трогательная музыка, полная отчаяния и стоического мужества. Витя слушал ее на зоне и она потрясла его.

30 октября. Закончил работу над книгой Лаврецкого о Э. Че Геваре. Принимаюсь за автобиографию Махатмы Ганди.

Интересно, как переносят разные люди, характеры жизнь в условиях барака, все эти неудобства. Зоя говорила об очень мудрых иллюстрациях Нади Рушевой к «Мастеру и Маргарите». Особенно тяжело переносят барак девочки (Надя, Женя). Говорят, что это кошмарные условия. Они совершенно не приспособлены к жизни без удобств. С величайшим удовольствием читаю (немного под хмельком) изумительную по искренности и правдивости автобиографию Ганди. Это человек общего склада с Альбертом Швейцером и Мартином Лютером Кингом. Подчеркиваю интересные места. Рамиль читает «Сто лет одиночества» и в восторге от него. Его надо снимать в Колумбии. Как бы мы не пропустили «Жажду жизни» в экранизации американцев. Вчера Женя высказала интересную мысль из «Премии», когда рабочая бригада отказывается от премии, как незаслуженной, объясняя это коммунистическими принципами. Вспомнил, как с Арсланом пришли к выводу после случая на вокзале, что задуманное надо сразу выполнять - не ожидая ничего. Вчера Женя сказала, что нам надо найти такие средства борьбы, которые были бы действенны. А они еще не изобретены. В Индии Ганди очень эффективно использовал печать и митинги.

В бараке сегодня богемная обстановка, ребята пьют, поют английские песни, кто то изображает ударника на тарелке и чемодане. Девушки спокойно сидят и вяжут. Саиды не видно, раздается чей-то рев, шипенье. Рамиль курит и, лежа на спине, читает Г. Маркеса. Мой дневник превращается в зарисовки быта и частично в конспект. Девочки внизу затянули грустные песни, возгласы ребят «Не тяните душу». Неприятно им, когда девочки поют грустные песни. Читаю Ганди. Я люблю курить хорошие сигареты по 85 копеек фирмы «Ла Корона», квадратные с золотым ободком, пить сухие белые вина, виски, джин, люблю жареное мясо, хорошую женщину. Какой идиот был Ганди, отказываясь от всего этого во имя дурацких религиозных убеждений. Хотя стоит его уважать, за его твердость в этом смысле.

Расскажу немного о пивной. Захожу в пивную. Побеленные стены закрашены омерзительными картинками. На стекле намалевали шашлык и кружку пива. Из-за прилавка с краном пива торчит армянская толстая рожа с усами. Несколько столиков с солью, забрызганные пеной и заброшенные шелухой рыбы. Сидят оборванные, жалкие пьяницы, время от времени хозяин выгоняет торжественно кого-нибудь из них.

Написать рассказ, ароматный рассказ о запахе сигар, об отчаянии влюбленный женщины, об опьяняющем буйстве весны, о чистоте весенних дождей, о драматичности дружбы, об отчаянии, откровенных, полуночных разговорах о великом вдохновении, порыве мужества, силы и смелости. А эта жизнь в бараке, дождь, стучащий по крыше, животная тоска, скученность напоминает кошмар, где, как в Дантовском аду скучены сотни людей и шум днем, тяжелое дыхание, сопение и жалобные вздохи в ночной мгле.

В бараке какой-то бессмысленный грубый, истеричный смех. Зачем люди мучают друг друга, зачем так глупо смеются.

Хоть бы Надя написала письмо, мы не виделись вот уже 5-й год.

1 ноября. Все еще на хлопке. Ночью проснулся, долго не спал, вышел на улицу, Господи, какой покой в природе. Все замело снегом, бедные ветки склонились низко под тяжестью снега. В тишине жутко вскрикнула птица. Темное небо и белая, заснеженная дорога.

Вчера вечером декламировал стихи девушкам (Аполлинера, Блока). Выпил водки у Жени и вина у нас. И вечером было так красиво взглянуть на мир, засыпанный снегом. Как снежная страна. Женя – «Боюсь уйти по дороге вдаль, вдаль, вдаль и больше не вернуться».

Под вечер. С грустью вспомнил библиотеку в Мурманске и всех своих друзей. Я, видимо всегда с грустью буду вспоминать об утраченном времени. Потом с такой же ностальгией буду вспоминать этот барак.

Вечером. Люди, когда говорят, я заметил любопытную вещь, они всегда думают о том впечатлении, какое производят их речи на окружающих, даже если те случайно могли бы услышать. В этом проявляется обыкновенное тщеславие, тем более если это человек, не дурак и выскальзывает довольно интересные мысли. Может быть (вполне), что я ошибаюсь.

Ночью. Барак засыпает, грустно играют на гитаре. Сегодня был теплый день, но ночью ожидается мороз до -12 C^0 . У меня появляются сомнения в отношении «Курзина». Начал я говорить об этом на весь свет, хотя ничего не сделано. У ребят падает настроение, они поддерживают его с помощью алкоголя. Я мечтаю написать книгу, наподобие «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста. Дай Бог. Проснулась и шепчет что-то внизу Женя, покашливает, тяжело, тяжело вздыхает. Интересно, удастся ли папе написать свою трилогию «Что есть истина?».

2 ноября. Опять утро, молчаливое, хмурое. Вспоминаю прегрешения вчерашнего дня, и мне опять становится совестно. Я опять вызвал на откровенность Саиду. Она сидела у стенки, просто смотрела и молчала.

Надо серьезно заняться работой о Геваре. Вчера после обеда ходил в город, пришел нагруженный, как осел, принес 4 бутылки, одну выпил по дороге, так что пришел довольно навеселе. Вспоминаю свое детство, со сломанным проигрывателем «Урал», бабушкой-калмычкой "Аже", квартирантками Валентиной, Настей, лазанье в дом через форточку, огромный пустырь перед домом, который потом превратился в микрорайон «Черемушки» и туда, в один из четырёхэтажных домов переселилась детская любовь – Венера. С детства меня окружали огромные шкафы с огромными книгами. Помню однажды (я был совсем маленький) приехал отец из Москвы и привез книгу про Львов, разноцветную с глянцевыми листами. Я смотрел на строки и шевелил губами, будто умею читать. Перед домом был сад, обнесённый глиняным забором, который впоследствии разрушался. Я любил сидеть в углу около шкафа и слушать разные рассказы по радио и музыку. В детстве большинство романов Жюль Верна, фантастические романы удивительного Уэллса и приключения «Кожаного чулка» Майн Рида. Потом пришло увлечение фантастикой, которое захватило меня на несколько лет.

В сентябре этого года мы с Савицким предприняли две экспедиции в район правобережного Хорезма. Для меня это было очень важно и поучительно. Тем более, что все время я общался с Савицким. Венцом первого путешествия был приезд в палаточный лагерь Хорезмской экспедиции в районе Афригидской крепости Жамбас-кала. Вторая экспедиция была продолжительней. Мы стали лагерем около одного замка в районе Уйкалы. И начали копать дом, вокруг которого была масса керамики. В первый раз мы

выехали из Нукуса в 8 утра. Я немного опоздал. Было нас пятеро, включая шофера - туркмена. Доехали до Кават-калы, Игорь Витальевич совещался с Маныловым по поводу раскопок. А мы с братишкой Ислама и шофером облазили старую, полуразрушенную крепость, взбирались на стены, откуда открывался изумительный вид на дальние крепости, вдаль синел массив черных гор. Потом мы переночевали и вернулись в Нукус. На следующий день мы поехали уже втроем. Я, Савицкий и шофер. Сидели втроем в кабине. Игорь Витальевич все восторгался дорогой. И вправду было удивительно красиво. Он сетовал на то, что наши каракалпакские художники не выезжают из города и не видят всех этих красот. Он восхищался силуэтом гор, пепельно-серой дорогой, ослепительно сверкавшей на солнце, оранжево - охристыми песками, коричневыми кустиками. От него узнал, что больше кусты с красными, розовыми цветочками называются тамариском. Савицкий ругал меня за то, что я плохо знаю историю своего народа, и что нас плохо учат в школах. В этот раз мы блуждали по пустыне между Жамбасом и Кукчой в поисках экспедиции. Поздно вечером заночевали на такыре у крепости Жамбас, развели огонь. Сготовили ужин, вскипятили чай и поужинали внутри фургона машины при свече. Потом мы направились к Жамбасу, в надежде увидеть с возвышенности огни экспедиции. Было звездно, но все же темно, мы не различали даже крепости. Я показывал правее, а Савицкий – гораздо левее. Ничего мы не увидели и вернулись вскоре, потому что Савицкий сказал, что опасно ходить по ночам. Вернулись мы, ориентируясь на свечу, которую выставил шофер в окне фургона. Рано легли спать. Утром взошло солнце, мы позавтракали и пошли к Жамбасу и я увидел колоссальные стены, мощные бойницы в два ряда. Сверху мы разглядели точки палаток и поспешили к машине. В то утро мы достигли экспедиции Елены Неразик. Пообедали и к вечеру, вернее, после обеда выехали по ближней экспедиционной дороге в Кават-Калу, куда мы приехали к закату солнца, тоже поужинали и легли спать; шофер в машине, мы с Савицким чуть поодаль на такыре, метров через 10 Неразик устроилась в спальном мешке на раскладушке.

3 ноября. Работали на дальнем конце поля. 16 кг собрал чистого хлопка (считай 32 подбора). Мало, но есть еще меньше. Тепло в бараке, даже жарко, топятся две печки. Что-то нездоровилось, тяжелая голова, усталость, тело, словно свинцом налито. Я шел, опираясь на палку, что дало основание девочкам назвать меня «Первопроходцем», парням – «Дерзу Узалой». Хлопка совсем мало, завтра, видимо, подбор хлопка.

Вечером перед ужином. Сидел, мерз на улице сидя на раскладушке рядом с грустящей Кумуш. Подошла Анна и сказала, что есть ко мне разговор. Сказала, что считает мою работу о Курзине очень важной и рассказала вот, что:

«Курзин в числе других художников писал по заказу портреты советских вождей, - Ворошилова и др. Принимали заказ люди из КГБ. Один товарищ, самый важный сделал замечание, что не теми красками написаны волосы и т.д. На что Курзин ответил якобы, что они не профессионалы и им лучше судить об этом. Тот приукрасил и передал дальше по инстанции, что Курзин сказал, что эти портреты вообще не стоит писать. Составил заявление, под которым заставил подписаться (угрожая арестом) художников (Тансыкбаева, Кайдалова), чего они не хотели делать и отправили Курзина (не сказав куда), «работать художником в тюрьму на 15 лет». Не исключено, что Александр Иванович был пьян и, что тот сотрудник переиначил слова Курзина. Последний мог сказать, если писать так под указкой, то лучше вообще не писать. Смысл здесь меняется.

Сидел потом с Женей, слушал музыку. Пошли, потанцевали. Затем я вернулся и лег на раскладушку, укрылся одеялом, стал слушать музыку, смотрю на прекрасную луну и бледные звезды, вспоминал о доме, строил планы работы по Курзину и Че, и свои работы по приезду с хлопка в Ташкент. В первую очередь надо зайти к Перовой, потом в музей – описать работы Курзина, поклониться Фальку, если смогу зайти к Новикову и Надежде Кашиной. Загрунтовать 8 холстов и увезти домой, - написать этюды домочадцев. У

Савицкого поработать над Курзином и через него испросить Мин. Культуры ККАССР или музея искусств – поработать в Ташкентском музее, архивах и т.д. Над биографией Курзина поговорить с девчатами (Эльмира), Арсланом, взять книгу мемуаров Уфимцева и привезти в Ташкент часть книг. Поговорить об этом деле с папой.

4 ноября. Снился Арслан, дом, прощания с мамой в аэропорту. Тихий, теплый день, какие бывали времена моей учебы в школе весной. На горизонте под грядой серых туч желтеет восход как яичница, под ним фиолетовые горы с изломанной линией зубцов вершин, темная масса деревьев и коричневое с охристыми проблесками раскрывшихся пустых коробок хлопчатника.

Почему я задумал «Курзина»? Потому, что это пустынно, но толчком было мое пребывание в Заравшане, на свидание Витей. Этот ужас, который до сих пор томит меня.

Вчера вечером Женя была загадочно-молчалива, как гуляющая кошка или будто, по крайней мере, знает, как произошла вселенная.

Очень устал, проголодался, думал о Курзине, и в голове все звучали пошлые песенки Высоцкого. Прочел в бараке прекрасные стихи Блока о Флоренции.

После обеда вышел мерзкий, тяжелый разговор с Женей, который нас обоих отдалил друг от друга. Речь шла об отношении к женщине. Я занял дразнящую, резко отрицательную, женоненавистническую позицию. Женя назвала меня болтуном и фразером, Надя – пятиклассником. Она вмешалась в разговор, оскорбленная моими циничными словами. Я лежал на грядке, смотрел на небо в трещинах прекрасных облаков – такое высокое, спокойное, чистое и вел этот низкий, никчемный разговор. По сводке область дала 93%. Осталось – 7%. Насколько это протянется – неизвестно. Зря я в первые дни бахвалился, что меня совершенно они (сводки) не интересуют. Скорее бы в город, к работе и к привычному уюту. Читал после обеда Блока. Сколько нового нахожу каждый раз. Большой ум, тончайшее эмоциональное чувство. В последние дни все чаще вспоминаю своих нукусских друзей и то время, отголоски чего до сих пор звучат во мне. Я, видимо еще дитя. Люблю тех, кто меня любит и очень от отсутствия любви. Кроме того, я не изжил до конца обращенность вовне, расчет на публику в общении и «престижность».

Чувствовал себя очень усталым, когда вечером на закате возвращался в барак. Умылся до пояса и чувствую себя бодрее. Прикрепил к потолку еще один самый известный портрет Че и работу Волкова (Чайхана). Давно уже меня не посещала неуверенность в себя, вернее я чувствую, что в маленькой степени я потерял веру в себя, это только предвестник падения. Интуитивно я чувствовал, что предстоит подобный разговор с Женей и предостерегал себя от него. И вот как плохо получилось.

Пишу реферат на статью Т. Григорьевой «Еще раз о Востоке и Западе». Вспомнил, что мы (с Женей) говорили о Райнере Марии Рильке и Павле Когане.

«Бригантина поднимает паруса». Вспомнил старшего брата из «Игры в бисер» Гессе. Боже, как прекрасен слог Гамсуна в «Голоде» и «Мистериях».

Т. Григорьева и Олжас Сулейменов – два корифея смелости в современной литературе. Сэй Сенагон «Заметки у изголовья» - прелесть, кристалл.

Мы с Арсланом этим летом говорили о китайской философии о Лао-Цзы. Такой великий народ и так одурманен одним человеком.

5 ноября. Сделал 118 кг. Получил деньги – 8 руб. за 10 дней подбора. Итого наличными – 15 руб. Очень устал, все тело ломит. Солнце в зените. Теперь я понимаю Милле, его «Крестьянина с мотыгой». Такая усталость и надрыв чувствуется в этой фигуре. Думал о Че, подбадривал себя, кружилась голова, но все же я превозмогал себя, сумел собрать 118

кг. Здесь происходит смена педагогов. Так что не будет заметно мое исчезновение. Схожу в Ержар за продуктами. Главное – сигареты и вино. С богом!

6 ноября. Какое было время? Мы слушали по вечерам в темноте при свечах Вивальди. Встречали розовое, холодное утро на балконе с Леной и Валентином. Стояли под сильным ветром в «Гаити» с Валеи и писали этюды. Познакомился я с ними, придя однажды в музей вечером. Они стояли во дворе и разговаривали с Игорем Витальевичем. По вечерам, после работы я в черном халате топил печки в музее и в канцелярии. Таскал золу оттуда, туда уголь. Потом тщательно мылся и отправлялся в микрорайон, где меня с распростертыми объятиями встречали друзья. Я сидел у стены, лысый, в синей большой телогрейке и читал старинное Евангелие. Валя писал мой портрет. Тогда Наташа еще была в Нукусе. Однажды она заболела, мы пошли навестить ее. Она лежала на диване в маленькой комнатухе с закутанным горлом. Вокруг на полу, постели, подоконнике, столе, стульях были книги. Она готовилась к дипломной работе по Барлаху. Я брал у нее немецкую книгу о нем. С ней мы вели философские разговоры, обещала познакомить со своими друзьями в Питере. Однажды она сказала, очень грустная: «Нас всегда будут предавать лучшие друзья». Теперь я понял это, я тоже предал ее. Главный вчерашний промах – моя откровенность с бывшим парнем Саиды. Зато я узнал, что Юсуф – дурак. У ней был первый парень, который учится в военном училище в Чирчике.

Как-то приехала Лена из Питера и привезла много пластинок. Она расплнела, отросли длинные волосы. Мы тогда помирились, это было у Эльмиры. Приехали реставраторы из Москвы, бородатый Толя Макаров и одна женщина. Мы вместе работали в крайней комнате на втором этаже. Она сказала «Эдик, тебе будет трудно в жизни» и заплакала. С тех пор многие мне твердят то же самое, а я не пойму – почему это так. Помню - я горько плакал, опершись на Толю в парке, оттого, что меня не любит Лена. Вспомнил вчерашний разговор с бородатым уйгуром. Мы стояли, прислонившись к автомобилю. Он сказал – «Трудно вступить в союз, меня зажимают, потому что у меня много работ творческих. Не жирно ли будет – говорят – ты студент еще и поэтому подожди хвост. Сейчас хорошо учиться. Тебе принесут пользу сами годы студенчества, само это время, что ты студент, свободный человек и занимаешься, чем хочешь. Потом, после окончания будет трудно, ох, как трудно». Этот парень говорил дельные мысли, он был навеселе, очень даже навеселе.

Устал немного. Болела голова. 49 кг. Многие собрали меньше. Собрал очень чистый подбор. Прочел прекрасный стих Блока – «Кармен», «Соловьиный сад», «Родина», «Куликово поле» и т.д. Утром не успел позавтракать и поэтому взял в поле чай во фляжке, пару конфет, бутерброд с баклажанами и превосходно позавтракал, глядя на низкие тучи, освещенные красным восходом. Очень красивое небо. Голубое небо и светлые облака. Я лежал на спине и смотрел, как тихо плыли облака. Скоро будет дождь, если я не ошибаюсь, тучи с севера и ветерок. Думал о маме, о Вите, доме.

Говорил с Фаридом Ахмедзяновым о Гуляме (Хикмат Гулямов). Он лежит на обследовании (после военкомата) в психиатрической клинике. Вечером Фарид записал 40 кг. Фарид Ахмедзянов относится ко мне как к братишке. Итого – 89 кг за сегодня. После обеда (выпили по кружке портвейна) пошли в поле, поднялся ветер, на небе тучи превратились в серую мглу, часов в 6 похолодало сразу, ветер налетал порывами, стало быстро смеркаться. Я пришел в барак, прочитал несколько стихов Блока 1914 года. Так томительно и грустно, восторженно, что я прослезился. Подходил на поле к Люде Капцан и Маргарите. Первая читает «хромой бес» де Геваре, вторая биографию Петрарки. «Чудно» (выражение Савицкого). Думаю написать книгу «Жизнь Че» только не пользуясь его мемуарами, а воспоминаниями о нем. Жаль, что Че погиб. Ничто не оправдывает эту бессмысленную, нелепую гибель. Заняться скульптурой и высечь, отлить в бронзе памятник в форме, берете, с длинными волосами, гордый поворот головы, в сторону и вверх, руки в карманах.

В бытность мою на корабле я увлек некоторых ребят (Левчука, Стукачка, Витю) огромным миром знаний. Двое из них записались в Мурманскую библиотеку. Выходя в увольнение, в город, я чувствовал иногда жуткое одиночество и тоску, сжимающее горло. Вдруг вспомнил сумасшедший дом, куда попал на флоте, наши ужины в столовой с зарешеченными окнами, скуку и животную тоску «желтого дома». Как любят люди мучить друг друга.

Блок «Никто и никогда не поймет тебя». Человек с рождения до смерти обречен на нескончаемое одиночество. Мотив безысходности, одиночества всегда звучал в душах Моисеевой и Лены Худоноговой. Найти бы неделю, дабы съездить в Красноярск, повидаться с ними. Изю дня в день дневник все разбухает и превращается в воспоминания – исповедь, наряду с фиксацией ежедневных мыслей и впечатлений. Лена самый эмоциональный человек, которого я встретил в жизни. Я опять ностальгически грущу о том невозвратном и утраченном времени, когда я был моложе, бурнее, когда я любил, а теперь я не влюблен. Однажды Лена сказала «Никогда ты не достигнешь такой душевной высоты, которой ты достиг».

13 ноября. Однажды в Мурманской библиотеки я, сходя по лестнице, увидел девушку в желтых брюках и красной кофточке, подойдя к столику контролера, я заметил у нее на руках книги, которые меня заинтересовали. Это были письма Гогена (на немецком), Шиллер (на немецком) и Матисс (на французском). В гардеробе я подошел к ней и попросил разрешение посмотреть эти книги. Мы разговорились. На следующий день мы сидели в холле на 4-м этаже, она читала стихи Аполлинера, Рембо, Валери на французском. Ее звали Марина Беркович. Она знала немецкий, французский и норвежский, работала в Институте больших глубин переводчицей. В то время была декада Ленинградской культуры в Мурманске. Я пригласил ее на лекцию искусствоведа в Краеведческом музее.

Надо многое записать, но я, может быть, не успею. Утром начал писать о Че, потом выгнали в поле. Кругом туман, как молоко, иней на деревьях, травах, спавших листьях, кустах хлопчатника. Развели огромный костер. Я подумал, что лучше китайцев и японцев, никто не изображал огонь. Рассказывал Жене о мощном впечатлении, которое произвело на меня чтение Кнута Гамсуна «Голод», «Мистерии». Рядом стояла Стрекоза и смотрела. Я долго, как зачарованный смотрел на огонь. Зрелище огня гипнотизирует. Не успел. Зовут на поле.

В обед выпили. Сидели, разговаривали с Ромулом. Подсел Фарид, навеселе, так сказать, завел разговор об искусстве. Я поддакивал, Ромул пытался возражать. Фарид сказал, что в институте плохие педагоги и что у них нечему учиться, вспоминал о Гуляме. Фарид сказал, что трудно начать работать творчески после института. Я не мог подсознательно избавиться от ощущения жалости к нему. Фарид говорит, что Гулям настолько хорошо знает Пикассо, что может читать о нем лекции. Я вспомнил, что Савицкий говорил, что Пикассо – это мощь и его мало кто понимает.

Начал читать Пьера Дэкса «Убийца нужен ...». Слова «Теперь когда это случилось (вышел из тюрьмы) никакого удовлетворения Даниэль не испытывал и сам удивлялся этому».

15 ноября. После обеда. 40 кг. Читаю Дэкса. На поле сидели, травили анекдоты, потом, собирая хлопок, испугался, показалось, что схожу с ума.

Поздно вечером. Вышел на улицу, какие прекрасные звезды над головой. Грустно думать, что все это будет после меня, и было до. Странно и грустно думать о вечности. Я стоял в сторонке, смотрел на танцующие пары и чувствовал легкую грусть и радость оттого, что я люблю моих друзей, а это время пройдет. Все с нетерпением ждут, конечно, девочки больше всех о возвращении. Говорят о том дне, когда подадут автобусы. Однажды после

обеда мы с Ромулом прихватили на поле «пузырек». Собрали по 23 кг, сели на фартуки и с величайшим удовольствием распили приятнейший холодный, чуть приторный портвейн. Я забыл в бараке яблоки, которые несколько бы не помешали. Тогда же нашли гитару Файза. Да! Сегодня я сильно увлекся матом, за что получил хорошую трепку от Рамиля (прутиком, очень больно).

16 ноября. Утро. Музыка. Все спят. Под утро проснулся от всхлипываний одной студентки. Что-то ее испугало. Я опустошен. Это после вчерашнего дня. Надо хранить внутреннюю дисциплину. И стать свободным. Осталось, по-видимому, неделя. Через неделю буду в Ташкенте. Надо сразу взять 10 подрамников с холстами, этюд и уехать домой, не теряя времени.

Вечером. Вспомнил «Дон – Кихот». Что за удивительный был рыцарь. Трогательный и прекрасный в своем благородстве. Сегодня вывезли студентов физкультурников. Поговаривают, что нам осталось 2-3 дня. Вряд ли. Надо рассчитывать на 22-23 числа, т.е. почти через неделю. Сидел с ребятами, Саидой. Она, скрестив ноги, ела виноград. Рамиль читает Меринга «Жизнь Маркса». Не нравится мне его интерес к моим дневниковым записям. Сергей и Шавкат совсем не появляются.

17 ноября. Плотно пообедали, суп с машем, чай со сгущенным молоком. Лежу на боку, делаю записи. Ребята собрали хлопок мало-помалу. Я, кажется, опять перестарался, что за черт, 47 кг. Одни говорят 20-го вывезут нас, другие - 5 декабря, а, по-моему, надо рассчитывать до 25 декабря. Читать нечего, придется перечитывать свои старые книги. Утром, когда белое солнце всходило над горизонтом, мы вышли в поле. Примораживало. На кустах иней.

Как там, в Нукусе, что сейчас делается дома, у Савицкого, Эльмиры, у Вали Сычевой и т.д. Почему же мне сегодня снился сон о них?

Сколько дома книг, как жаль, что из Ташкента я взял мало книг. Не рассчитывал на долгое пребывание здесь, а зря; сколько бы я успел прочесть за все это время.

В такой грязи мы живем, меня кусают уже насекомые, по приезду надо, не заходя в дом, надо сходить в баню и постирать там одежду.

Женщин-педагогов долго здесь не задерживают. Конечно, в уюте квартир, в городах легче и привычнее жить. Мне лично здесь по душе, я должен, к тому же, привыкать тяготам жизни. Они меня еще ждут впереди.

Я привык ежедневно, почти в определенное время, делать записи, это дисциплинирует и приучает руку к письму. Мне надо между мыслями в дневнике делать абзацы, иначе получается мешанина. Конечно, я не рассчитываю на читателей, тем более будущих. Все эти записи только для меня и разве что для самых близких людей.

18 ноября. Опять меня посещает глубинный страх, кажется, что я схожу с ума, какое-то неосознанное тревожное состояние. Солнце ослепительно светит и греет. Мои страхи от одиночества, видимо. Взял почитать вырезки из журналов и газет у Аннушки. Она прочла «Сто лет» - в восторге - «В одно предложение 3 года вместить!».

Вечером после работы поговорили с Женей, настроение улучшилось, однозвучно трещит птица.

Уснул, не укрывшись, проснулся от холода. На улице темень и тишь. Пролетел метеорит. Перевернутая медведица, дальний лай собаки, крик осла, звук мотора, но все вдали, а вокруг тишина. Слышно тяжелое дыхание, храп, вздохи моих спящих товарищей. Мне снилась мама, Ташкент, наш новый дом.

19 ноября. Утро. Поют птицы на крыше. Работает движок. Возгласы. «Подъем, вставайте! Уже 8 утра». Я дежурный, надо шевелиться. Открыл банку икры, позавтракали, чай с

сахаром. Читаю вырезки из журнала, скоро на поле, видимо. Говорят о каком-то соревновании, выдаче денег с маслом.

Из дневника Бунина. «А как влияет литература! Сколько теперь людей, у которых уже как бы две души – одна своя, а другая – книжная! Многие так и живут всю свою жизнь начитанной ложью».

Неуклонно идет время и однообразно. Вышли в поле поздно. Все же собрал 30 кг. Прочел милую статью о хиппи и т.д. На мели, нечего читать. На поле пел, читал, немного собирал. Теперь не требуют с нас 140 кг в день с каждого. Вообще настроение нерабочее, все собираются домой, сдается мне, что зря.

Первое интригующее событие. Получил письмо от некой возлюбленной, некто меня интригует шутливыми изъявлениями любви. Сдается мне, что это шутит надо мной компания сокурсников. Это удар после моего смехотворного объяснения любви Саиде. К чему это приведет? После обеда вышел в поле, сел на грядку, прочел газету и начал читать брошюру Озерова о поэтике. Больше нечего читать.

Смятение прошло, осталась грусть. Как красиво солнце садилось за горизонт. Развел небольшой костер, чтобы согреться. Дым тихо вьется в небо, теплота тлеющих коробочек хлопка навевает теплое чувство.

Рамиль уснул за биографией Маркса. Да, это не веселое чтиво.

20 ноября. Наконец-то 20-е. Через 5 дней будет полтора месяца нашему пребыванию здесь. Многие уже устали. Я привык. Только, как медведя, тянет спать. А так все хорошо. Рядом спят два уйгура, дальше две девушки-еврейки.

В Рамиле проявляются способности организатора. На вечере он выступил и танцором, и режиссером, и декламатором, и, наконец, фокусником.

Сдал 40 кг хлопка. Шли, возвращаясь, весело болтая. Утром был иней и такой туман, что на расстоянии 50 метров никого не видно. Солнце, наконец, стало в зените, туман рассеялся. Подошел Петя Кравцов, рассказал о махинациях с угощениями, студенческими деньгами в главном штабе. Потом подъехала тележка. Видимо, действительно, послезавтра мы уезжаем. Вечером выдадут деньги (удержав по 50 коп. с каждого). Значит, через несколько дней я буду дома. Надо решительно взяться за портреты Курзина и книги, не давая себе передышки.

Выпил немного одеколona. Чуть подташнивает и тяжелая голова.

Наблюдается всеобщий подъем духа. Девочки смеются, хохочут, поют, обращая на себя внимание. Саида околачивается около «наших» внизу.

После обеда вышел в поле. Сильно разболелся живот, пришлось лечь. Дочитал изумительную (чудовищную) пьесу Олби «Все в саду» и превосходные речи Либкнехта Карла в прусском ландтаге. Умница великий. Об искусстве вернее, о свободе искусства, есть несколько превосходных мыслей. Например: «Господа, касаясь наших музеев, я хочу ограничиться лишь несколькими общими замечаниями. Очень грустно, что наше изобразительное искусство в значительной степени работает прямо на нужды музеев; это неизбежно ведет к опошлению, к поверхностности в искусстве, создает угрозу внутренней неприкосновенности и святости художественного творчества».

Интерес столичной, передовой, художественной интеллигенции к Рильке, Ницше, Шеллингу говорить о всеобщем упадке революционного духа и энтузиазма. Конечно, я ни в коей мере не отрицаю, значение высочайшей интеллектуальности Гессе, Рильке (в особенности), но в революционные годы гремел Маяковский.

22 ноября. Как это ни странно, я в Ташкенте. Утром встали рано, затемно, первый проснулся я. Вспомнил, что вечером был пьян в стельку. Женя говорит, что я был очень мил, этакий пьяненький интеллигент в стиле Мягкова в «Иронии судьбы». Суматоха сборов, уборка и, наконец, мы в автобусе. Саида села рядом. Достала книгу стихов аргентинца Гонсалеса Туньона.

Радость. У института встретили Неллечку. Взял билет на 24 вечером. Сходили в баньку. Всю дорогу пели «Хоп, Хей Хоп» и «Дос Мукассан». Мило улыбаясь, Саида смотрела на меня. Но у нее парень есть. Я же просто поклонник по кличке «Че». Взяли с ребятами по бутылочке и разошлись по домам.

23 ноября. Проснулся от звона будильника. С удивлением огляделся, - где я! Увидел что я в квартире, у себя дома. Немного болит горло. Прохладно. Не выходит из головы Саида. Вот я и один. Немножко грустно и чувствуется одиночество. Займусь стиркой. Надо будет спросить у хозяйки о деньгах, и у Коли. Вчера перед сном он зашел и спросил, есть ли у меня сигареты и занес пачку «Родопи». Говорит, что брал у меня сигареты, когда они «гудели» здесь несколько дней.

Шум в городе усиливается. Это тебе не тишь и благодать в Ержаре. Звезды те же, правда. И темные силуэты домов и столбов, стволов и листьев деревьев, ранние редкие прохожие торопливо идут, ссутулившись, погруженные в свои мысли. Спешат на работу. Надо бы заехать к Фаине, к Люде, в институт и на выставку. В кино. Вчера меня обескуражило отсутствие писем. Я-то думал, что все мне пишут, по крайней мере, Надя и родные.

Вчера Саида сидела, расставив ноги в грязных желтых брюках, резиновых сапожках, в порванном на боку голубом пальтишке. Когда вышли из автобуса, у нее было томно-блаженное и растерянное выражение глаз. Надо еще сходить на поклон к Бондаревой С.М.

Вот здорово! Смотрю, на столе лежит перевод на 50 рублей. Живу. Не надо бегать за стипендией. Спрошу завтра утром у Коли и Н. Ивановна о тех пропавших 15 рублях. Мама прислала 50 рублей!

24 ноября. Сегодня улетаю домой вечером дополнительным рейсом. Нарядился в бриджи и комбинезон, как Че. Все глазают удивленно - «Что это за кубинец!?!»». Сегодня я растратил 40 рублей. Купил гостиницы и спиртное домой. Везу 9 картин и тяжелый портрет. Ну, в добрый путь! Весь день солнечно и тепло. По городу машины, люди, дети. Радостно, что еду домой и грустно, что оставляю здесь свою любовь.

Поговорил мило со Светой. С подпиской ничего не вышло. Чай пил дома, сходил пообедать в «Пельменную». Поел скверные пельмени с хорошей лепешкой, скверное кофе. Съездил в Торговый, купил для подарков конфеты, колбасу, коньяк, пиво, два блока сигарет. Осталось 11 с мелочью. Теперь на прощание записываю кое-что в дневник. Надо по приезду - сходить в школу за картинами; к Фаине за консультацией; к Новикову; к Кашиной; в музей к Еремян.

Подмету, попью чай, оставлю записку и... Прощай Ташкент, мой любимый Париж Востока. Как хорошо было на хлопке, весело, чудно!

24 ноября. Вечер. Вечер. За иллюминатором догорает закат цвета яичницы. Лечу в Нукус. Приехал из торгового центра с тяжело нагруженными чемоданами. С грустью и растерянностью оглядел квартиру. На стене старый этюд школьных времен, портреты Че и Тани. Подмел слегка. Оставил записку хозяйке и вышел на дорогу. Руки оттянул, донес до площади подрамники и портфель.

Увидел снежные горы на горизонте, как у Рериха. Действительно, высота лишает всего обыденного в человеческом сознании и приобщает его к величественному и вечному.

Перед уходом встретил Колю. Попрощались. Гайка бежала за мной до площади, как я не цыкал на нее, как не топал ногами - все бесполезно, она бежала, делая вид, что принохивается к земле. Потом, когда я вошел в толпу, она растерянно заметалась. Видимо она вернулась. Надеюсь. Хорошо, что еду домой. Так соскучился, ей-богу. И всего за 2 месяца! За 2 месяца! Я сильно переменялся внутренне за время хлопка. Переродился в студента. Поправился, мама будет довольна.

Что же мне нужно сделать в Нукусе? Зайти к Савицкому, к Эле, к Арслану. Поработать в музее. Просмотреть литературу. Поработать дома. Надо хоть литр спирта прихватить на обратном пути. Встретил Свету Бондареву. Мило поговорили на лестнице. Она была порядочно напудрена. Я забыл поблагодарить ее за консервы и чашку. Обе, ту, что подарила Фая, и ту, что подарила Света, я вез с собой. Теперь начинается новая жизнь, какой-то новый большой этап.

Раньше, прежде чем что-то делать, я обдумывал, как это у меня получится, что я буду говорить, теперь же я отвык от этого. И, что интересно никогда не выходило так, как я мечтал, задумывал. Все нелепее происходило.

Если заранее не обдумывать, твое поведение станет естественнее и непринужденнее. Взял с собой том Достоевского. Перечитываю «Скверный анекдот». От ужасного до смешного один шаг.

Натружено гудит мотор, мягко трясет сидение. За окном ощущается синева, превращаясь в черноту ночи.

Вот я дома. Здесь я отдыхаю, купаюсь в море добра и света. Сестренки в восторге, не отходят целый день. Арслан рад пиву. Милый мой, как он погрузнел. Отрастил волосы, они придают ему другой вид. Мамочка завтра улетает в Баку. Жаль. Но она вернется скоро. Здесь проходят дни Башкирской культуры. Говорили о различии разительном в экономике наших автономных республик. Арслан рассказал о том, как случайно наткнулся в читальном зале Москвы на Сашу Черного. Говорит, что это второй по значимости поэт тех времен, он и Маяковский как противоположности на границах спектра поэзии того времени.

Дома я оттаиваю душой, набираюсь сил и отдыхаю. Выписал цитаты из альбома о Нукусском музее.

Все вспоминается барак на хлопке, два милых уйгура, милые еврейки, наша компания.

25 ноября. Был в музее с Айшолпан. Видел Савицкого, он считает, что я не смогу управлять коллективом музея - «Будешь ходить, кого-то тиранить и получится путаница».

С Элей хорошо поговорили, она рада мне. Сходили на фильм скучноватый «Коррупция во дворце правосудия». Посмотрел Курзина, составил описание некоторых картин. Почему сейчас в почете Соловьев (историк), Бердяев и т. д.? Потому что возникает в противовес интернационализму – национализм. Ключевский более демократичен.

Вспомнил, что Рамиль спрашивал, не взяла ли Григорьева свои идеи у Конрада. Боюсь, что да! Сам Конрад поражающе глубок и интересен.

Вечереет, тархтит трактор-холодильник. Папа спит в детской, я сижу в зале за столом.

В детстве я страдал комплексом неполноценности восточных народов. Этому есть объяснение. Я видел, что мы глупы, грязны, неопрятны. Они же (русские) красивы, умны, чистоплотны. Это конечно ерунда. Но так было. Теперь я избавился от этого чувства.

27 ноября. Приехала мама. С Арсланом вешали ковер. Купила мне куртку, два костюма, брюки. Утром затемно встретил её в аэропорту. Ай играет на фоно. Схожу к Савицкому.

Как забавна Мира с мишкой, говорит с ним, как с живым, учит играть на фоно, ложится спать с ним. Она его сестра.

Женя Туков спрашивал, правда ли годы службы для меня кошмар, который я бы не хотел заново переживать? Правда. Но по прошествии некоторого времени, я нахожу в этом прошедшем что-то хорошее и даже поэтичное.

Мой интерес к раннему христианству обусловлен увлечением Кьеркегором и моей встречей в 1972-73 г. с Н. Моисеевой.

1 декабря. За окном расцвело синее утро, поет пташка. Пора в институт. Сегодня длинный день. Пробыл до 1-у в институте без дела совершенно, читал о Парагвае и «Что делать» Ленина. Снег растаял и слякоть на дорогах. Договорился насчет перешивки брюк. Доконал «Манифест». Вечером схожу в «Навои». Встретит Ахмед, должна подойти Женечка. Отправил письма домой и Вите.

Мама сказала, что они голодали, не могли и платить за нас с Арсланом в интернат и потому продали дом. И Витя, от бедности, видимо, потому пошел по «скользкой» дороге и сидит в тюрьме.

Что-то Надя молчит. Беспокоит, не случилось чего. Надо сходить к Косаревым, Перовой, Гуляму (Х. Гулямову) и к Карпунину.

Получил стипендию за ноябрь 39 рублей.

Сергей был в музее и спросил: «Что ты нашел в этом бесцветном(!) Фальке?».

Был в театре Навои. Ошеломляющие впечатления. Цвет, красота, легкие балерины в грязных халатах, воины в шароварах, юноши телохранители. Словом, была генеральная репетиция «Тахир и Зухра». Слабая опера, но декорации в цветном оформлении прекрасны. Огромный, помпезный театр в духе восточного барокко. Стояли, разговаривали с вокалисткой, пожилой женщиной, в грузном халате со знакомым лицом. Она учила петь Валю Корнилову. Актеры держатся непринужденно, разговаривают, смеются, плюют на пол, беседуют, сплетничают, иронизируют. В микрофон доносятся просьбы, мольбы, приказы, команды режиссера, худощавого молодого человека. Директор-супермен в очках, седые композиторы, дирижеры, художники по костюмам, гримеры, сторожи, рабочие сцены. Какая волшебная, изумительная своя жизнь.

Всего написано 25 узбекских национальных опер. Как раз в то время, когда были и работали, наши великие художники - Волков, Курзин, Усто-Мумин, Коровой Елена.

Изумительно. Красные роскошные кресла, блеск люстры под потолком, позолоченный орнамент, витые колонны, механизмы сцены, подъемники. Прелесть. Легкие, гибкие балерины, красивые до умопомрачения с подкрашенными глазами.

Хорошо (как мы с Сергеем) сидеть в комнате, слушать тиканье часов (мерное, неуклонное, бессердечное), слушать, как гудит печка с хорошей тягой. За окном ночь, слякоть, деревья крыши, запорошенные снегом.

Я пришел к 6-ти в театр, стоял у главного входа, читал Уфимцева, рядом кокетничала пара. Подошел Ахмед. Мы пошли в декорационную, он расписывал сундук для Тахира. Смешны пузатый Тахир и толстая Зухра (играла, кстати, самоотверженно). Рядом стояла еврейка в шали. Когда она сказала, что конкуренция молодых заставляет играть старую Шамансурову с вдохновением, та услышала и аж заплакала.

Милый театр, я влюблен в тебя и в незнакомку. Она прекрасна, тонкие черты лица, носик с горбинкой, маленький подбородок, чистота девичьего лица. Прочел бы кто-нибудь мои излияния, ей богу рассмеялся бы. Но «бумага все терпит». Итак, Сергей переехал жить ко мне. Будет тесно, неудобно, но потерпим.

Мне надо было бы встретить ее, но я ушел и жалею. Может быть, я правильно сделал, кто знает? Никто. Кроме нас двоих. Как ее зовут? Не знаю. На премьеру «Тахира и Зухры» надо пойти. Хоть опера и скучна, надо увидеть Незнакомку.

Ахмед правильно сделал, устроившись на работу в театр. Он будет знать весь механизм обратной стороны театра. Этот опыт бесценен и необходимым для будущего, он предусмотрительный парень.

2 декабря. Дочитал мемуары Уфимцева. Мало о Курзине, но все же что-то есть. Переписываю.

В библиотеке доносятся звуки фон. За окном капель и солнце. Была политинформация и КПСС. В эту библиотеку записаться не так легко.

Женя сказала, что Е. Коровой уехав в Москву, вышла замуж, бросила мужа (неизвестно кто) и покончила с собой.

Великий день. 5:45 минут, сижу дома, тикают часы.

Без двадцати 12. Приехал из театра - полон впечатлений. Первый акт смотрел из зала в 4 ряду. Остальные три шлялся за кулисами. Наблюдал внутреннюю жизнь театра. Цвет, костюмы, роскошь, смех, улыбки, репетиции, пот на спинах, маленькие груди, стройные ножки, подведенные, синие веки, локоны, дешёвые блески. Я видел как прима, забежав за кулисы, тяжело дыша - «Ой, больше не могу». Поговорил с Олей, Ирой и Женей. Последняя сказала, что работает в театре уже 10 лет, надоело. Зрители веселы, довольны, но их было мало. В основном женщины, маменькины дочери, седой горбатый англичанин, скупое пересчитывающий медяки.

3 декабря. Нужно жить каждый день полной жизнью, и не думать, что о тебе подумают другие, те чужие люди.

9-й час. Продрался в пединститут в поисках Люды. Заходил в муз-фак, 2-я пара не началась, видимо она поехала на конкурс пианистов в консерваторию, хотя там до 6-ти сегодня и все закончилось.

По мокрым улицам прошел к Ромулу. Он с Шоу как раз выходил из дома, направляясь на базар и в баню. Я по дороге взял бутылку пива, Ромул две бутылки «Порта». Зашли ко мне, вышли, завели дурацкий спор о «мощности жизни». Потом я увидел, как Ромул опьянел. Мы пошли на Бешагач. За нами увязалась Гайка. И соседка сзади кричала. Видимо, она выпустила Гайку. Я около туннеля сорвался и влетел в троллейбус. Гайка увязалась со мной и в троллейбусе это вызвало оживление.

Зашел в кафе. Один. Есть портвейн, рыба, соленые салаты, шампанское и водка из под полы. Хотел глотнуть чего-то горячего, но ничего не оказалось.

Сижу в аудитории 4-49, жду Люду. Она где-то здесь на марксизме-ленинизме. Она, несомненно, придет, так что есть смысл подождать до половины десятого.

4 декабря. Утро, холодно, не топили печку, Сергей спит. На улице лает собака. За окном синева. Пора в институт.

Сегодня впервые после обеда, сходя с лестницы на физкультуру после истории КПСС, увидел Саиду. Сам поздоровался. На второй паре было окно, сходил к Августе Ив. и к Жене, предварительно выпив. Постарели, но держатся. Милые наши старики. Надя развелась, в этом нет сомнения. Это трагедия для матери и, особенно то, что она далеко, на Кубе. Вышли, выпили по бутылке пива и портвейн, зажевав табаком, зашел на медкомиссию.

Вот я и дома, стучат часы, печка натоплена, варится суп, Люда сидит на раскладушке и курит. Опьянел, читал стихи, пел, играл, хвалился, дурачился. Зашел в пельменную и как бедный студент взял себе полпорции.

5 декабря. 2-й час. Сижу у Сергея, слушаю музыку (Леннон). Нашел статью Вали Панжинской в «Искусство» 6/73 г. о выставке в Москве из Нукуса. О Курзине, Мазеле, Марковой, Ермоленко, Карахане. Интересные биографические сведения, хорошо написано о Курзине.

Вечер. 7 часов. Один в тихой квартире. Привез от Сергея несколько книг, стерео и продукты. Доехали на такси. Света опять нет, приходится жечь фитиль на хлопковом масле, от чего болит голова. Догорает закат на западе. Люди идут из бани гулять, из-за забора несет жареным луком. Дочитал Петрарку.

7 декабря (вторник). Сижу дома. До обеда была скульптура. Нехотя слепил нос Давида – получил 4. Не дождавшись конца, в 12 часу уехал со Светой Бондаревой на керамический завод. Он расположен на пустыре, возле огромного энергетического завода на Кукче, где когда-то жил Курзин с Коровой. После обеда по дороге в институт встретил Женю. С ней сходил в библиотеку училища и в институтскую. С Шоирой договорился о Ле Корбюзье на субботу и воскресенье. Разжег печку. Слушаю музыку. Очень трудное задание по специальности. Не знаю с чего начать.

10 декабря (пятница). Выписал кое-какие сведения о Курзине. Прочел статьи Шевченко. Начал «Художник и город». Решил продолжать читать, несмотря на скуку «Иосифа».

Я превращаюсь в обыкновенного, трусливого мещанина, с этим надо бороться. Неумеренность в еде, живот растет. А сам удивляюсь Арслану и его животу.

Надо сделать фото рук и здания в центре города. Лежу в постели при свете двух свечей и записываю (привычно) в дневник свои заметки.

На столе лежат книги, на полу кеды, пустая бутылка, портфели, горит свечка. На проигрывателе «Норма». Нужна полка для книг о Че и материалов о Курзине.

Вечер. 4 часа. Возвращаясь, встретил Карпунина. Грязноватое пальто, рыжая борода и голубые искрение глаза. Живет в общежитии, опять туда перебрался. Он был у Гулома. Саша говорит обрывочно, туманно: «Искусство, я никогда не пойму, что это такое, наверное, интуиция». Карпунин считает интуитивное постижение жизни главным. Стояли мы у ворот в Комсомольское озеро и глазели друг на друга. Не нравится что-то он мне, связался с Фаизом. Пригласил его к себе.

Гулом же идет от логики, разума, такие вот талмуды изучает. Показывает руками, когда их всех пересчитаешь и нужно ли. Сначала я тоже думал, что есть нечто в том, что он говорит. Приходишь к нему, бегают не по-человечески как-то, вращает глазами, брызгает слюной. И уходишь с тяжелым ощущением. Но у Гулома есть неплохие вещи по цвету.

12 декабря (воскресенье). Утро. Вернее полдень. Хампердинк. На столе беспорядок. Остатки яичницы, книги, пластинки, сигареты, чайник, сахар, часы, спички, яблоко. А столько дел! Не знаю, сумею ли все сделать.

Происшествие: убили девушку за речкой на Комсомольском. Милиция, толпа.

Взял водку. Покопались в огороде, порубил дрова.

13 декабря (понедельник). Сегодня я опять фиглярничал в институте. Ерундой занимаюсь, распустился. Читаю «Иосифа». Слабее других вещей и почти не трогает. Утром пораньше вышел из дома. Отдал Шоире «Ле Корбюзье» и «Петрарку» Ире Кац.

Обедал теплым хлебом в общежитии с девушками. Рамиля давно не вижу, отправил куртку Вите.

«Как это Эдик может так спокойно сидеть, читать книгу, он же наш ровесник»- говорит Сергей.

На стене рисунок с «Титуса» Рембрандта. Макарик готовит еду на кухне, на фоне играет Рахманинов. Сосед рубит дрова. За окном стемнело. Я растапливаю печку.

15 декабря. Сделал пастель с башней в красном.

16 декабря. В институт не хожу второй день. Гарри завел дурацкий разговор о скуке и желании самоубийства. Дима посоветовал наняться в экспедицию или на траулер, испытать трудности.

В магазине появилось сгущенное молоко. Наверное, надо послать домой.

17 декабря. «Поедем, красотка, кататься». Я пьян. Не пошел в институт. Ну его к черту. Делаю композиции. Был в Цуме, потерял 5 рублей. Сделал зарисовки. Хорошо.

Я бессовестный человек. Расходую чудовищные деньги. Каким трудом они достаются маме, знаешь ли ты, идиот? Надо резко снизить расходы.

18 декабря (суббота). Жарит рыбу, гремит посуда. Быстро идут дни в мнимом безделье. Тишина. Иногда в голову приходят мысли о Саиде и тотчас исчезают. В окна льется холодный вермееровский свет, освещая пестрый размытый узор ковра и голубое с цветочками ремешки покрывало.

Действительно неплох мой трагический пейзаж. Лена на фото задумчиво смотрит в сторону. Фидель улыбаясь, стоит перед микрофонами. Внимательно смотрит из глубины А. Иванов, похожий на молодого Дега.

Н.И – «Мне мало осталось жить и я вот тороплюсь, все бегом, бегом». У меня на душе спокойно, как в далекие и прекрасные дни детство. Я дитя тишины и покоя, но влекут меня странствия. Дамир – «В армии человек духовно мертвеет, подчас деградирует».

Закончил дурацкую отмывку, подработал наброски.

Ромул «божественный» пьет. Написал 2 этюда с Шоу (удачен) и Дамира (не очень хорошо). Хороша фотография Лены, как живая.

Опять скучаю по дому, хотя приехав, я стремлюсь уехать. Попробовал сравнить квартирную жизнь Ван Гога и свою. Мало аналогий, кроме чисто внешней. Я понял, что нельзя отождествлять свою жизнь с другими и добиваться какой-то с ними созвучности.

После мучительного кашля и отвратительного харканья, которое в последние дни часты - тяжелая и больная голова.

19 декабря. Красивые деревья, усыпанные снегом. Люди, не спеша бредут по узким улочкам Бешагача. «Часика через два вернусь, мама» говорит Коля, уходя на ночь.

Постирал белье. Я инертный человек, а мне все нужно делать энергично, быстро и решительно, кроме того в моем характере есть мягкость, нерешительность, т.е. все подобные качества, которые можно обобщить понятием «безволие». Нужно подстегивать себя.

Пришла Н.И. заменила наволочку, помогла прополоскать белье. Говорила о прошлом. Она рассказала ужасную историю о пребывании (мучении) брата своего в плену у немцев. Как черви они копошились в снежную зиму за колючей проволокой. Тем, кто внизу теплее, но тяжело. И вот так они переползали сверху вниз, снизу вверх. Как рвали сухожилия людей сторожевые собаки. Когда их повезли во Францию, женщина кидала им хлеб, шоколад. Потом, после войны, брата 4 года таскали в НКВД и не давали возможности устроиться на работу. Сейчас он (Коля, брат Н.И.) апатичен и сонлив, так сильно переменялся после

плена. Все сидел на пороге, не хотел (боялся) зайти в дом. Рассказала, как в бессознании умер муж Н.И. от паралича. И в это время родилась Аннушка у Тани.

Вернулась мысль, высказывание Н.И. о том, что руководитель государства должен быть идеалом для народа, как Фидель для кубинцев. У нас же этого нет, а сплошная ирония, пессимизм и недовольство. Хотя насколько лучше мы сейчас живем. Рассказала о прекрасной и трудной жизни в Сибирской деревне. В голод 1932 года у театра Муками каждый день лежали 2-3 человека умерших от голода. Потом «Хлеб появился, хлеб появился!»- и такая наступила радость.

Сегодня я доволен собой, я многое сделал: натянул два планшета, подработал конструкции, сходил в баню, сделал перестановку, постирал, написал письма, почитал.

20 декабря (понедельник). Без любви к человеку нельзя писать портреты, стать настоящим портретистом.

У Достоевского люди не живут, а ищут смысл жизни, не разговаривают, а философствуют. Вот и я так же рассуждаю.

После обеда был в институте. Написал с величайшем удовольствием натюрморт с красной драпировкой. Жене очень понравился. Довел рисунок до глубоко тона. Показал Кокоткину, он недоволен. Надо доработать.

Только что приехал от Фаины. Помолодела, в сапожках на платформе. Дала почитать стихи Такташа. О Филонове дала почитать перевод Яна Крисинса, 1964 год. Есть верные мысли о догматической критике советского искусства (авангарда) в довоенный период. Фаина посоветовала сходить в чайхану на Актепе, там мозаика архитектора Сутягина, Гана (сын). Она в восторге. Там сидят старики-аксакалы и пьют, не торопясь, терпкий чай.

Ушел с композиции, не знаю, приходил ли потом Кокоткин. Ф.М. сказала, что он собирается уходить из института. У Ф.М. сидела мать Александра Петровича Кокоткина. Угрюмая старуха, вязала свитер Наташе. Милая собака породы «Колли», длинномордая, оглушительно лает.

Пишу портрет Сергея акварелью. Делаю отмывку, интересно. Сергей поет, брэнчит на гитаре.

Ф.М. обещала свести с Такташом, Еремян и с Николаевой.

Сергей лежит и читает мемуары Уфимцева. Смелый был мужик.

22 декабря (среда). До обеда проектировал макет из бумаги с ребристой поверхностью. Кокоткин помог спроектировать макет типа завода-ангара.

Пришел великолепный, резкий, углубленный Чернышев, писали натюрморт. Очень красивый, на сближенных тонах. Писать надо было локально. Чернышев сказал: «Проклятые импрессионисты - они всем закружили голову и вам тоже» и «Приглашайте на капустник».

23 декабря (четверг). Ездил в «Рассом» к Чернышеву. Нос у него испачкан черной гуашью. Мудро философичен.

Надоело мне духовное совершенствование (буддизм).

24 декабря (пятница). Я сказал Вале, что если когда-то она любила меня, а теперь равнодушна, то теперь я люблю её, она же сказала, что так и должно быть и что так бывает в жизни. Мое смятение, метания обостряют искренность восприятия всего.

Сегодня отсоветовал Сергею ходить на съезд художников. Фаина Михайловна на съезде художников пропадает. Скажет ли она Еремян и Такташу о моей просьбе рассказать и показать Курзина.

Вино до добра меня не доведет. Эти мои чертовы приключения, омерзительны.

27 декабря (понедельник). Утро. Встали с Сергеем впервые в 8 часов. Скоро, не торопясь, нагружены как мулы, отправились в институт. «Не выспался. Перед сном почитал Эриксона «Под чужими звездами».

Шли из института, разговаривая с Мусиком о нашей будущей специальности. Схожу к Шоу. Начал легко писать натюрморт и рисовать Сократа. Чернышев очень помог. Кокоткин тоже.

Алик Нишанов крутит махорку. Говорил о разводе с Элей. Замешан Ефремов. Я знал, что до добра это не доведет (Нукус).

28 декабря. Проснулся рано за минуту до звонка. Тепло на улице. Перед пробуждением снился Арслан. Пили в кафе пиво, я красное, он темное.

Написал плохенький этюд натюрморта. Хвалил себя. Рисовал Сократа. Пришел домой со Светой. Написал этюд Светы и Люды. «Это что - ты гуашью пишешь!?!». Как обычно хохмил, делал наброски.

Красивые отношения зеленого и розового. Я начинаю любить и ощущать цвет.

29 декабря. Послезавтра Новый год. Был в общежитии. У Нели написал 3 этюда.

Когда выпью, - лучше чувствую цвет. Нежнейшие нюансы Матисса кажутся резкими. Нервы обнажаются. Надо писать «навеселе», как Утрилло, Ван Гог и Модильяни.

Ноем большой палец левой руки, я его разбил. «Поссорился» с Сергеем. Сказал, чтобы уходил. Обиделся, дурак. Началось из-за гавканья и моего замечания. Ложусь спать, надо выспаться. Я резок с друзьями, но не со знакомыми.

30 декабря. 2:10. Написал 2 этюда: «Лена» и «Рамиль в черном».

31 декабря (пятница). В институт опять не пошел. Сегодня праздник. Да и никого там не будет. Пишу портрет Сергея, портрет Арслана. Написал автопортрет на синем фоне.

«Mars and Venere». Самый легкий способ гармонировать два цвета, примешивая третий, например зеленый с красным с помощью желтого. Синее с желтым с примесью красного или синего. Смелее отталкиваться от натуры. Создавать новую жизнь на полотне, бумаге, как в последней работе – портрет Нигар. Хорош цвет. Прекрасна форма, более-менее лепится. Я стану художником и буду колористом неплохим. Но нужно много работать и быть искренним. Я доволен собой сегодня.